

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

**ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ТУРЦИИ.
МОДЕЛИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ В КУРДИСТАНЕ
«ДОРОЖНАЯ КАРТА»**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часть I.

ВСТУПЛЕНИЕ

Часть II.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАМКИ

А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Б. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

В. ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАМКИ

1. Принцип демократической нации
2. Принцип общей Родины (Демократической Родины)
3. Принцип демократической республики
4. Принцип демократической конституции
5. Принцип демократического урегулирования
6. Принцип единства индивидуальных и коллективных прав и свобод
7. Принцип идеологической независимости и свободы
8. Принцип историчности и современности
9. Принцип нравственности и совести
10. Принцип самозащиты демократии

Часть III.

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ

А. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ

Б. ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ

1. Демократическая нация
2. Общая Родина (Демократическая Родина)

3. Демократическая республика
4. Демократическое урегулирование
5. Неразделимость индивидуальных и коллективных прав
6. Идеологическая независимость и свобода
7. Историчность и современность
8. Нравственность и совесть
9. Защита демократии

Часть IV.

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ТУРЕЦКО-КУРДСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Б. КРАХ ПРОЕКТА СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В ТУРЦИИ И ВЫХОД РПК НА ИСТОРИЧЕСКУЮ АРЕНУ

В. ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

1. Решение гегемонов современного капитализма, направленное на уничтожение нации
2. Курдское федералистское национально-государственное урегулирование
3. Урегулирование в рамках демократической нации
 - а. Демократическая нация
 - б. Общая Родина (Демократическая Родина)
 - в. Демократическая республика
 - г. Демократическая конституция
 - д. Неразделимость индивидуальных и коллективных прав
 - е. Идеологическая независимость и свобода
 - ж. Историчность и современность
 - з. Нравственность и совесть
 - и. Защита демократии
4. Конкретизация демократического решения на уровне названия: АОК
5. Аспекты возможного применения решения, предложенного АОК
 - а. Экономический аспект
 - б. Социальный аспект

в. Аспект безопасности

г. Дипломатический аспект

Часть V.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

1. Традиционный план отрицания и уничтожения
2. План федералистского, националистического решения
3. План демократического урегулирования
 - а. Первый этап
 - б. Второй этап
 - в. Третий этап

Часть VI.

ИТОГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я предлагаю этот труд Вашему вниманию по ряду причин: в силу значения, которое он будет иметь в ракурсе активизации дискуссий по вопросам демократизации в Турции, а также сделанного в 2009 году и лежащего в основе этих дискуссий личного высказывания президента страны, уважаемого Абдуллы Гюля по курдской проблеме: «Или решается проблема, или распадется страна». Немаловажной причиной представления вышеупомянутого труда является моя личная ответственность по данному вопросу. Более того, имеется еще один аспект, и это — ряд пояснений по вопросу срочности решения проблем, оценок и призывов, выдвинутых в связи с моей личностью серьезными структурами, имеющими отношение к государственной безопасности, на суд общественного мнения.

Определенное влияние на написание мной данного труда оказали устные и письменные заявления, сделанные в начале 90-х гг. президентом страны, уважаемым Тургуттом Озалом, в 1997 году премьер-министром, уважаемым Неджметтином Эрбаканом, уведомительные записки, поступившие в тот же период из отдела общественных связей армии, встречи, проведенные с рядом компетентных лиц в 1999 году во время моего ареста, точнее в ходе предварительного следствия, связанного с моим десятидневным заключением, и после этого следственного периода, письма и мои собственные суждения, направленные мной в различные инстанции, и вследствие всего этого — некоторая тенденция к определенности, заметная у властей Турецкой Республики.

Часть I.

ВСТУПЛЕНИЕ

Проблемы демократизации всегда были актуальны в истории. Это отнюдь не то явление, которое возникло на исторической арене вместе с европейским модернизмом, как это часто пытаются представить. Демократические тенденции постоянно присутствовали в природе обществ. Демократия по своей сущности связана с инициативами, тенденциями и управлением, наблюдаемыми в каждом явлении. Я уверен, что это имеет глобальный характер.

Доказано, что собрания, состоявшие из посланников земледельцев и горожан, играли значительную роль в истории цивилизации, в особенности на ранних стадиях шумерской культуры. Первые наблюдаемые демократические структуры развились не в греко-афинский период, а в шумерских городах, и отрицать это бессмысленно. Со временем, когда в структуре управления преобладающую роль стали играть жрецы, политические управленцы и военачальники, демократические структуры оказались на втором плане и потеряли свою роль. В период немродов и фараонов, который можно назвать «эпохой богов-царей», весь народ именовали не иначе, как «созданные рабы», поэтому невозможно говорить о каких-либо демократических структурах. Аналогичные процессы происходили едва ли не во всех цивилизациях. Последний пример этого в раннюю эпоху мы видим в афинских и римских поисках демократии и республики.

В Средние века, в первые периоды развития христианства, то есть еще до того, как он стал официальной религией Византийской империи, и в первые годы становления ислама демократические элементы имели определенное значение. Однако сильная имперская традиция очень быстро аннулировала влияние этих элементов и продолжила свою жизнедеятельность в виде жесткой централизованной власти. Новые городские образования, набиравшие силу в Европе в начале XI века, на протяжении длительного периода времени управлялись при помощи демократических традиций. Города долгое время вынуждены были защищать свои независимые демократические структуры от феодальной власти. Демократические элементы играли важную роль в восстаниях княжеств и независимых сельских (крестьянских) обществах против развивающихся монархий.

Королевства, которые с XV века стали превращаться в абсолютные монархии, практически лишили способности функционировать не только традиционные цивилизации, но и демократические структуры. Только Великая хартия вольностей, официально принятая против королевства островной Британии в 1215 году, смогла сохраниться в качестве демократической традиции. Великая Французская революция 1789 года, являясь народной революцией против абсолютной монархии, постепенно трансформировалась в диктатуру буржуазии. Эта диктатура, будучи организованной в форме национального государства, возвела себя на уровень, превышающий абсолютную монархию. Появление мелких национальных государств, ставшее возможным вследствие проведения Британской империей политики «разделяй и властвуй», способствовало созданию в Европе определенного баланса в виде существующего статус-кво.

Режимы, действовавшие в рамках модели национального государства, несмотря на все свои либеральные идеалы, имели характер олигархических режимов, реализованных элитами. Существующие парламентские структуры никогда не могли ликвидировать господство олигархической элиты. Разумеется, демократические структуры, основанные на многолетней борьбе городского и сельского населения, в той или иной форме сохранялись всегда. Таким образом, демократия, существующая в Европе и по сей день, — это классовая демократия, сформировавшаяся под контролем буржуазии, и доля народности в ней всегда была ограниченной. Несмотря на то, что во второй половине XX столетия в лице ЕС (Евросоюза) была создана демократическая конфедерация, выходящая за рамки национальных государств, сломить их олигархический порочный круг так и не удалось. Опыт был очень важен, но конкретных шансов на успех не было.

В русле процесса, происходящего во всем мире, Османская империя тоже попала под влияние крупных европейских сил, в первую очередь, Британской империи, с XIX в. утвердивших свою гегемонию на базе промышленного переворота. Империя, созданная на основе старых традиций государственности Ближнего и Среднего Востока, хотела, дабы избежать распада под натиском национально-государственных течений, возобновить свою структуру на бюрократической базе и превратиться в жесткую централизованную османскую нацию-государство. Она стремилась жестоко подавлять развивающееся повстанческое движение. В итоге в регионе Анатолии и Северной Месопотамии возникло государство - современная Турецкая Республика – ставшее наследником Османской империи и состоящее из многочисленных этнических групп, преобладающее большинство которых составляют турки и курды. Определяющую роль в создании этого государства сыграла Британская империя. Буржуазия, именовавшаяся турецкой, но, по сути, состоявшая из представителей многих народов, организовавшая свою деятельность в рамках партии «Иттихат ве Теракки» («Взаимодействие и прогресс»), своей жесткой националистической политикой, сначала в период конституционных реформ XIX в., затем уже в республиканский период, встала на рельсы диктатуры. Несмотря на наличие некоторых харизматических лидеров во главе с Мустафой Кемаль - пашой, бюрократически-олигархическая диктатура внутри государства сохранилась и по сей день. Многие легальные и нелегальные политические партии и общества государственной ориентации, созданные без разделения на правых и левых, светских и религиозных, испытав воздействие олигархического диктата, так и не смогли противостоять ей. Продолжающиеся сегодня судебные процессы по деятельности организации «Эргенекон» связаны с традицией олигархической диктатуры, живущей в недрах государства на протяжении последнего столетия, и с точки зрения их последствий можно сказать, что эти процессы имеют серьезное значение в плане определения судеб демократии.

Несмотря на то, что тема реформ в Турции обсуждается, начиная с XIX в., даже более того, со времен танзимат (множественное число от арабского слова «танзим» — упорядочение), административных реформ в Османской империи, эта тема не получила своего концептуального и теоретического развития. В частности, демократия так и не была основана на платформе демоса. Скорее реформы превратились в некую игру внутри группы избранных, прежде всего провинциальных, вельмож и государственной бюрократии. Все, что действительно могло быть связано с интересами народа, было погребено и подавлено двумя олигархическими группами. Система создала саму себя в противовес народу, причем в серьезных экономических, идеологических, политических, военных и культурных аспектах, и, еще более укрепляясь, она дошла до наших дней. Однако развивающаяся социальная структура и народная борьба постоянно сотрясают эту систему с момента ее создания и до сегодняшнего дня. Проблемы демократизации стали развиваться в связи с этими событиями. Закрытость режима, а также жесткая

националистическая, религиозная, гендерная и позитивистская идеологии стали причиной того, что проблемы не были точно определены даже на уровне дискуссий. Законодательство так и осталось сводом государственных правил. Не было уделено никакого внимания правам личности и народа. Разрешения, которые порой выдавались, были далеко не лишены корысти, и регулярно теряли свою силу вследствие частых переворотов. Не были признаны ни разумная свобода личности, ни свобода деятельности организаций. Свобода самовыражения и организаций, не основанная на определенном общественном консенсусе, не смогла избежать частых узурпаций. Именно по этой причине так и не удалось воплотить в жизнь необходимые свободы личности и организаций для угнетенных классов, религиозных общин и всех народов, что является главной сферой демократизации. Любое право, любой шаг, которые, как считается, предпринимались в этом направлении, или вообще не были практически реализованы, или были лишены жизнеспособности вследствие переворотов, а также различных устных и письменных запретов.

Эти устные и письменные запреты в самой жесткой форме были использованы в отношении Курдов и всего Курдистана. Применяя вместе с физическими наказаниями программы глубочайшей ассимиляции, власти стремились запретить или совершенно уничтожить все, что связано с Курдами и Курдистаном, либо нейтрализовать Курдский фактор путем полного растворения в горнилах официальной идеологии. Как и многие группы, выступившие против этой политики, группа людей под названием РПК, считавшая себя приверженцами левой традиции, в 70-е гг. прошлого столетия начала движение сопротивления и, пройдя много этапов, ценою больших потерь дошла до наших дней, вплоть до 2009 года. Это сопротивление, способствуя развитию серьезных событий, сыграло очень важную роль в выявлении проблем демократии и поисках путей их решения.

В этих условиях впервые в политической обстановке Турции возрос шанс на демократическое решение проблемы, поскольку США и ЕС уже дистанцируются от прежних своих обращений к олигархическим акциям и открыты для демократических решений в связи с развитием событий, затрудняющих реализацию их же интересов. Одним из важнейших условий решения проблемы является принятие новой гражданской конституции, основанной на общественном консенсусе. На этой почве фундаментальные личные и общественные права, а также свобода личности и организаций, гарантированные фактом консенсуса всех социальных слоев, обретают определяющие позиции. Конституция, построенная на принципе личных и общественных прав и свобод, способствует действительному функционированию и гарантии демократического, социального, светского и правового характера республики.

В рамках этой конституции курдская проблема, как и другие социальные проблемы, будет поставлена на путь урегулирования. Республика, бравирующая знаменем жесткой формы национального государства, вследствие завоевания курдами личных и общественных прав не только не будет раздроблена, но путем оздоровления фундаментального стержня, игравшего в истории роль созидательного элемента, достигнет стадии истинного и вечного демократического единства. На этой почве она спасется от пережитых ею тяжелых травм, непрекращающегося материального ущерба и живых потерь, боли и слез. Таким образом, безопасность, подъем, и счастье страны и нации обретут постоянный характер.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАМКИ

В условиях турецких реалий ощущается потребность в открытом определении некоторых понятий, необходимых для демократизации и решения курдской проблемы. Более того, при подборе различных решений заметна необходимость в фундаментальных версиях, теоретической базе и принципах, которым необходимо следовать. Проблемы требуют раскрытия понятий различной давности, от ежедневных и периодических, вплоть до структурных. Отсутствие повседневных и стратегических решений элемента структурности может привести к повторениям. Например, некоторые проблемы могут решаться в рамках инструкций и законов, но структурно-конституционные вопросы таким образом разрешить невозможно. Структурные проблемы связаны с конституционной системой и требуют своего решения именно в этих рамках.

А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Известно, что еще недавно в Турции проблемы могли окончательно запутаться в неразрешимый гордиев узел даже на уровне понятий, потому что порой запрещалось вслух упоминать их. Под запретом находилось слово «курд», а немногим ранее также были запрещены многие понятия из лексикона левого движения. И по сей день слова «Курдистан» как бы стесняются, а в официальных кругах вообще избегают его упоминания. Дабы не углубляться в научный анализ процесса развития термина «Курдистан», можно просто выдвинуть ряд доказательств, касающихся того, что топоним основан на аутентичности народа данного региона, то есть еще сельджукские и османские правители упоминали его в значении «Родина курдов». В период становления республиканской Турции лично Мустафа Кемаль - паша очень часто использовал такие понятия, как «депутат Курдистана», «Курдистанское собрание», «провинция Курдистан». То, что в период отрицания и ассимиляции понятия «курд» и «Курдистан» уже оказались под запретом, отнюдь не означает, что они потеряли силу. Впрочем, запрет, наложенный на понятия «курд» и «Курдистан» в то время, как идут поиски решения проблемы, изначально приводит к деструктивным подходам. При возникновении такой ситуации, когда использование того или иного названия неверно и неприемлемо, одна из сторон отвергает его с соответствующими суждениями. Первым среди понятий, требующих открытого пояснения, является понятие «демократизация». Именно оно искажается в Турции больше всего. В том значении, в котором я употребляю это слово в своем труде, оно совершенно не имеет классовых основ. Слово «демократизация» в моем понимании включает в себя все социальные отношения. На нем нет ярлыка какого-либо класса или социального слоя. Независимо от того, идет ли речь о меньшинстве, или большинстве, различных языках, религиях, этнической и национальной принадлежности, демократизация в моем представлении означает равную свободу личности и организации, а также гарантии защиты личных прав от воздействия государства. Нельзя считать правильным ни растворение государства внутри демократии, ни растворение демократии внутри

государства. Оба института имеют различные роли и функции. Одной из жизненно важных проблем демократизации является баланс между государством и демократией.

Очень важной и требующей пояснения на пути к поискам решения проблемы является соотношение в паре терминов «республика» и «национальное государство». Нельзя считать, что любая республика является национальным государством. Например, Древний Рим таковым не был. В то же время не каждое национальное государство, называющее себя республикой, является таковым. Понятие «республика», будучи связанным с демократией, означает самоуправление всех социальных слоев, в состав которых входит весь народ, на уровне своих представителей, без какой-либо связи с олигархической монополистской элитой. Что касается национального государства, то оно, как ясно видно на примере фашистской Италии, нацистской Германии и Японии, основывается на принципе тождественности государства и нации. Эта модель не приемлет прав и свобод присутствующих в нации различных групп, преследующих собственные, противоречивые и разнообразные интересы. Национальное государство по своей сущности является диктатурой. Формальные демократические прикрытия не могут изменить его сути. Таким образом, на пути к решению проблемы в Турции очень важно правильно определить и осознать такие понятия, как «республика» и «национальное государство». Например, курдская проблема в рамках республики может найти свое решение, но в рамках национального государства, являющегося полным отрицанием самой республики, решить ее попросту невозможно.

С точки зрения поиска решения жизненно важное значение имеет прояснение таких понятий, как «общая родина» и «нация». Такой факт, как признание одного географического региона в качестве общей родины народами, сформировавшимися на базе различных культур, очень даже возможен и, более того, часто встречается в истории. Например, географические регионы, которые истари назывались Анатолией и Месопотамией, а сейчас в целом называются Турцией и Курдистаном, являются общей родиной многих народов, а именно турок, курдов, армян, ассирийцев, арабов, евреев, христиан, греков, многих этнических групп кавказского происхождения. Было бы несправедливо и нереалистично считать эти регионы родиной только турок и курдов. То, что государственные границы Турецкой Республики пролегают в этом регионе, не может служить подтверждением принадлежности этих географических регионов одному лишь турецкому этносу.

Аналогичное определение можно дать также словосочетанию «единая нация». Нация не может состоять только лишь из отдельных граждан, в частности, она должна восприниматься как нация, сформировавшаяся на базе тех народов, даже наций, к которым относятся эти граждане. Если достигнуть единства мнений об «общей родине», то общей нацией для всех народов и наций, входящих в рамки этого понятия и живущих в пределах одного государства, является гражданство этого самого государства. Подобно тому, как мы говорим «Турецкая Республика, Великое национальное собрание Турции», так и понятие «турецкая нация» было бы конструктивным с точки зрения демократизации.

Внесение ясности в понятие об идентичности стало бы серьезным вкладом в решение проблемы. Идентичность выражает принадлежность того или иного общества к одной религиозной, национальной, культурной, гендерной и др. общности. Но очень важным в этом смысле является смысл нашего подхода к той или иной идентичности, иными словами, относимся ли мы к идентичности как к открытой или закрытой категории. Открытость и гибкость могут внести величайший вклад в демократические решения, закрытость и резкость — сильно затруднить их. Взаимодействие между идентичностями можно воспринимать как богатство. Очень важно понять то, что растворение одной идентичности в другой, вместе с синтезом, порождает совершенно разные и противоречивые подходы.

В связи с концептуальными проблемами очень важно не фетишизировать понятия, не выдавать какое-либо социальное явление в качестве искаженного, шовинистского значения узкого понятия, выходящего за рамки действительности. Например, выдвигание таких изменяющихся и абстрактных категорий, как нация, религия, язык и пр. в качестве фундаментальных догматических ценностей противоречит духу демократического урегулирования.

Б. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Внесение ясности в некоторые теоретические рамки, связанные с демократизацией, поможет решить вопрос. Важнейшим обстоятельством станет конкретное отделение теории национального государства от теории демократической нации. Национальное государство основано на гомогенности, выраженной в едином языке и гражданстве представителей одного этноса. Так, связав этого гражданина узами официальной веры, национальное государство обуславливает проведение тех же ритуалов. Упомянутая вера — это не патриотизм, а шовинизм и религиозный фанатизм. Национальное государство не признает никаких социальных различий между связями и противоречиями, принимая за основу тождественность между всеми группами. Ясно, что такой подход совпадает с теорией нации, соответствующей фашистской идеологии. Теория демократической нации совершенно иная. Она признает нацию, состоящую из различных групп и личностей, говорящих на разнообразных языках, исповедующих различные религии, имеющих различные этническое происхождение, национальный состав, культуру и интересы. Демократическая нация не основывается на принципе тождественности граждан и групп. Она не принимает определение «государство = нация», веря в то, что они представляют собой различные образования. Государство и демократия — это две различные сферы, к которым надо отнестись особо внимательно. Очень важно то, что обе эти сферы, признавая взаимный легальный характер, сосуществуют в гармонии, что становится фундаментальным положением конституции. Демократическая нация предполагает, что группы, общины единоверцев и гражданское общество столь же важны, как и отдельные граждане, и их существование подкрепляется конституционной гарантией. Такое толкование предполагает, что абстрактное понятие гражданства — ничто иное, как либеральный бред, и гражданин обретает конкретный смысл только в составе какой-либо группы, общины или гражданского общества.

Другая важная теоретическая проблема связана с конституцией. По сей день не прекращаются дискуссии по вопросу, лежащему в основе конституции, а именно: «Что брать за основу, государство или личность?». Существует большая разница между конституционной теорией, являющейся сводом правил, регулирующих жизнедеятельность государства, и конституционными теориями, регулирующими права и свободы личности во взаимоотношениях с государством. То же самое относится и к коллективным правам и свободам. Ясно, что конституционная теория, которую нужно непременно учесть в теории демократизации, основана на принципе защиты прав и свобод личности от нападков государства. У государства, как высочайше организованной власти, нет необходимости в защите. Оно, впрочем, выражает смысл продолжения своего существования. Регулирование процесса функционирования государства в соответствии с основными законами совершенно не противоречит теории демократической конституции.

Еще одним обстоятельством, которое следовало бы хорошо осознать в рамках теории демократизации, является значительное различие между решением социальных проблем с позиций государства и теориями демократических решений. Решение с позиций государства предусматривает вовлечение всех и вся в рамки государства. Например, даже любая тема,

интересующая такую метафизическую философию и веру, как религия, будучи вовлеченной в процесс огосударствления, превращается в проблему, поэтому говорить о решении вообще не приходится. Ряд других экономических, социальных, культурных, национальных проблем вовлекается в рамки государства или попадает под контроль государства, причем тут же объявляется об их решении. Ясно, что такая теория не только не решает, но и усугубляет проблемы, увеличивая их количество. Теория демократического решения берет за основу следующий принцип: проблемы принадлежат не государству, а обществу, стало быть, решение должно созреть в соответствующем обществе. Та или иная единица общества считает, что насколько она приобщена к свободе личности и организации, настолько же это поможет решить ее проблемы. Если этактистская теория постоянно насаждает свои правила в тех или иных обществах, то демократическая теория считает, что важна инициатива того или иного общества, имеющего право самоопределиваться и построить самого себя. Она не предполагает полное игнорирование каких – то отдельных или же совокупности всех связей с государством, либо, напротив, сотрудничества с ним. Несмотря на напряженность, существующую во взаимоотношениях, демократическая теория предусматривает совместное существование в мире и согласии. В этой плоскости демократическое решение связано также с миром. Не всегда мир может быть основан на оси демократического решения, но любое демократическое решение основано на истине развития любого процесса, называемого нами «достойным миром». Достойный мир реализуется путем взаимного признания примиряющимися силами факта существования противной стороны и ее права на развитие.

Другой опасностью, исходящей от этактистских теорий, является стремление вовлечь в русло государства все силы, оказавшиеся под воздействием проблем, то есть принуждение идти на риск перед национальным государством, которое этактистская теория представляет как единственный путь решения. Она подводит к государственному мышлению, направленному против государства. Высокие шансы демократической теории на решение проблемы не направлены ни на изменение государственных границ, ни против другого национального государства. Большим шансом демократических теорий является предпосылка гибкого решения, не имеющего государственного характера, не преследующего целей привести к государственности, но и не отвергающего и не отрицающего участия в государстве.

Еще одна фундаментальная теоретическая проблема имеет отношение к теории личных и коллективных прав. Вокруг этой темы существует или развита мощная спекулятивная волна. Это — тема, искаженная мировоззрением либерального индивидуализма. Даже минимум света, проливаемого на этот вопрос социальной наукой, указывает или убеждает нас в том, что индивидуальное одновременно является общественным, а общественное — индивидуальным, потому что одно из них живет в другом. Дело в том, что без социального фактора не может быть индивидуальности, и это станет очевидным, если любого человека, хотя бы на неделю поселить где-нибудь совершенно одного. Не надо быть мудрецом, достаточно лишь здравого смысла, чтобы понять и то, что общество состоит из усилий и взаимоотношений индивидуумов. Осложнение проблемы происходит из-за того, что во имя создания гомогенной нации и гражданина либерализм отвергает права групп, общин и гражданских обществ. На деле выходит так, что чем больше попираются права и свободы этих коллективов, тем больше возрастают шансы капитала и национально-государственных монополий на достижение максимума эксплуатации и власти. С проявлением фашистской идеологии связано то, что, говоря об индивидуальных правах, совсем не упоминаются, более того, совершенно отвергаются коллективные права. Без признания прав и свобод за коллективом, членом которого является индивидуум, признание прав и свобод не может по определению иметь никакого смысла. Более того, это невозможно даже теоретически. В данном

случае идет игра «кто кого обманет». Говорить о том, что на индивидуальном уровне можно исповедовать ислам, а на коллективном уровне нельзя, — это и проявление фашистской демагогии, и коварство, сводящееся к политике «кнута и пряника». Индивидуальные и коллективные права и свободы — понятия, настолько взаимозависимые, что, отрывая их друг от друга, отрывают душу от тела. Безусловно, в данном случае одним из основных критериев теории индивидуальных и коллективных прав должно стать пресечение каких-либо чрезмерных проявлений общинности и коллективизма, отрицающих индивидуальность, равно как чрезмерного индивидуализма, отрицающего место и роль общества.

Развивая теоретические рамки в решении проблем демократизации, очень важно помнить, что эти проблемы своими корнями уходят в позитивистские социальные науки Европы, в частности, Франции. Несмотря на опыт пяти республик, Франция сегодня переживает ряд проблем, связанных со светскими принципами, гражданством и общинами, более того, противоборствуя с Британской империей на международной арене, как в Европе, так и во всем мире, она утратила свои идеи гегемона, и определенная роль в этом принадлежит позитивистским социальным наукам. Опыт создания Турецкой Республики, а также предыдущие периоды танзимат и два периода конституционных реформ в основном базировались на опыте Третьей Французской республики. Помимо этого, в качестве модернистской идеологии был освоен французский позитивизм, и сегодня очень большое значение имеет исследование участия этой теории в современных проблемах демократии, а также конкретизация результатов.

Откровенно говоря, если Республика на протяжении девяноста лет не продемонстрировала на пути к демократизации даже черепашьей скорости, то до тех пор, пока не определится практическое влияние теоретического и республиканского опыта французского позитивизма, будет очень трудно добиться каких-либо позитивных решений, а прежняя проблематичность продолжит свое существование. Я не отвергаю французского позитивизма и всех элементов влияния республиканского опыта, но, если нам не удастся воспользоваться плодами научной революции начала 50-х гг. прошлого столетия и серьезного прогресса в демократической теории, это будет означать, что мы плохо использовали шанс великой демократизации и свободы мышления.

Теоретические и практические аспекты французского влияния и в наши дни имеют большое значение и требуют своего анализа. Известно, что европейская социология сегодня в целом подвергается серьезной критике. Маска ориентализма, связанная с Ближним и Средним Востоком, постепенно падает с ее лица. В сущности, я должен подчеркнуть следующее: я не думаю, что, игнорируя ценности культурных завоеваний Ближнего и Среднего Востока, подтверждаемые на протяжении последних 15 000 лет, а также кроющиеся в них конструктивные возможности, в частности, успешные культурные ценности централизованных цивилизаций последних 5 000 лет, и, вооружившись европейской культурой, в большинстве своем перенесенной из Ближнего и Среднего Востока, но демонстрирующей грубые материалистические подходы пятисотлетнего позитивизма, мы сможем наделить хоть каким-то смыслом и решить все наши проблемы — фундаментальные проблемы общества. Если взять за основу европейскую культуру, то достигнутые решения могут способствовать лишь возникновению более ущербных образований. Правильнее всего было бы, освобождаясь от европоцентристской идеологической гегемонии, актуализировать величественные гуманитарные ценности средневосточных и прочих восточных традиций, а также конструктивные подходы к решению проблем общества. Если говорить о турецкой или ближневосточной модели, то совершенно ясно, что эта модель должна вырасти на этих великих исторических и социальных реалиях.

Одним из важнейших следствий позитивистской философской мысли является то, что она способствовала проявлению наиболее жесткой формы догматизма, а не чего-либо другого, как это принято считать. Под маркой научности она легализовала модернистский догматизм, способствовала развитию фанатической веры, оказавшейся жестче религии. Например, смысл, которым наделяются такие понятия, как «нация», «страна», «государство», «класс», «общество» и т.п., намного конкретнее того смысла, которым наделено понятие «Всевышний». Эти понятия оказались возвеличенными до уровня, намного превышающего уровень божественного. Следовательно, эти понятия и теряют свое истинное содержание, и, будучи обобщены, уничтожают смысл истины. Объективизация приводит к догматизму, который гораздо опаснее, чем при субъективизации. Войны, происходившие в мире на протяжении последних пяти столетий, и то, что современная жизнь во многих сферах вплотную подошла к критической точке, тесно связаны с позитивистским материализмом.

Желая спастись от объективного догматизма, мы отнюдь не желаем субъективного догматизма. Первостепенным для нас должно стать спасение от идеологической гегемонии Запада. Только тогда мы сможем актуализировать все социальные проблемы и наиболее важную из них, проблему демократизации, в гармонии с их социальной природой. Вопрос об устойчивой демократизации может найти решение только в том случае, если будет обсуждаться в соответствии с ее социальной природой, в обстановке полной интеллектуальной свободы. Используя европоцентристские социологические концепции и теории, нельзя актуализировать и урегулировать культурное наследие, представляющее собой блок величественных культурных пластов, в первую очередь, исламской культуры. Эта истина в достаточной степени подтверждена ориенталистской практикой последних двухсот лет. Подобно тому, как арабо-израильский конфликт сам по себе продемонстрировал отсутствие каких-либо путей решения проблемы, даже термины «Израиль» и «арабы» (позитивистские понятия, относящиеся к нации) сами по себе превратились в механизмы порождения проблем, что можно представить в виде примеров вышеуказанного доказательства. Чем большими реалиями будут загружены понятия «Израиль» и «арабы», тем больше сама проблема будет доведена до тупикового состояния, потому что и понятие «Израиль», и понятие «арабы», не несут в себе элементов действительности, не отображают истины, как это пытаются представить.

Аналогичный подход можно предложить и в отношении понятий «турок» и «курд». Сколько бы ни загружали реалиями понятия «турок» и «курд», ситуация будет способствовать усугублению проблем, формирующихся вокруг этих понятий. Понятия «курд» и «турок», будучи слабыми фактическими реалиями последнего столетия, тем не менее, оказавшись на уровне малозначимых по сути, но надутых истин, способствовали возникновению неразрешимых проблем. Национализм, являющийся позитивистской религией, усугубил социальные проблемы гораздо больше, нежели традиционные религии. Теории демократизации по мере освобождения от объективного и субъективного догматизма могут внести свой вклад в реалистическое решение проблем.

Еще одна тема, которую надо рассмотреть в теоретическом аспекте, — это связь между историчностью и «современностью» либо актуальностью. Объективный догматизм, вдохновленный позитивизмом, демонстрирует свое влияние на смысловую связь между историей и современностью: или признает сегодняшний день в виде жесткого детерминистского количественного накопления истории, или считает историю количественным накоплением сегодняшнего дня, уходящего в прошлое. В реальности же, объективный догматизм не видит никаких различий между историей и сегодняшним днем. Таким образом, он отвергает историю. Мысли типа «история — это то, что существует сегодня» формируют огромный «снежный ком»

ошибок. Впрочем, позитивистское создание «сегодняшнего» на девяносто процентов отражается на отрицании истины, что приводит или к чудовищному отрицанию, или, наоборот, к преувеличению.

Правильнее всего путем тщательного исследования установить, каким образом история обуславливает сегодняшний день. Ни одна общественная проблема не может быть решена в отрыве от своей истории или наперекор ей. Не может быть и речи о сегодняшнем дне, не отражающем свою историю. Насколько верным является метод поиска сегодняшнего дня в анналах истории, настолько же верным является метод поиска истории в сегодняшнем дне. Но из этого отнюдь не следует делать вывод, что история — это сегодняшний день. Одно из них однозначно обуславливает другое. Опасность возникает тогда, когда этот принцип взаимной обусловленности воспринимают неправильно и отождествляют их. Тогда человек склоняет голову перед судьбой, не остается необходимости в прояснении проблемы и не возникает шанс ее решения. Условием точного восприятия является умение считать сегодняшний день свободой и поводом для решения проблемы, но условия надо искать в исторических истинах. Насколько важно и необходимо видеть существующую между ними взаимную обусловленность, настолько же верно и полезно для поиска решения видеть существующую между ними разницу.

Последний вклад, связанный с теоретическими рамками, следует искать в мышлении и практической деятельности, формирующихся вокруг религиозной и нравственной оси. Проведение анализа процесса демократизации только лишь в ракурсе политической теории не было бы ни справедливо, ни по совести. Общество — это не просто политическая действительность, это еще нравственный и религиозный мир. Религия и нравственность — это такие структуры, которые тысячелетиями совместно не просто прилагали наибольшие усилия для решения проблем, но и решали проблемы общества, к которому они принадлежат. Осуществление анализа путем лишь экономических и политических истин, игнорируя эти незаменимые исторические структуры, неизбежно окажется недостаточным, стало быть, способствует появлению ошибок. Стремление решать проблемы только в одном ракурсе способствует усугублению остальных аспектов проблемы.

Еще одной разновидностью разлагающего влияния позитивизма на общество является сведение до минимума роли религиозных и нравственных истин в решении проблем. Религия и нравственность, особенно в культурах Востока, в частности, Ближнего и Среднего, являются результатом рассуждений и решений проблем в рамках критериев совести, просачивающихся сквозь фильтр тысячелетнего общественного опыта. Они установили важное условие обращения к ним. Лишение влияния этих традиционных путей решения усилило деспотическое давление на общество, осложнило все проблемы с демократией. Без справедливости и совести не может продолжаться социальная жизнь. Одними лишь строго детерминистскими, экономическими и властными подходами, спущенными до холодных, как лед, расчетов капитала, можно лишь способствовать хаотическому состоянию, вышедшему из-под контроля, реальность большей частью такова.

Возврат к справедливости и совести в демократическом решении усугубившихся до гигантской степени общественных проблем является неизбежной ценностью. Например, для того, чтобы выйти за рамки пережитой ими трагедии, армянскому и ассирийскому народам будет недостаточно ни экономических, ни военно-политических сил. В таком случае следствием может стать попадание в капкан современного капитализма — в силу отсутствия подобных явлений в истории ближневосточной культуры. Следует оказать этим народам помощь в выходе ими за рамки пережитых трагедий, что возможно путем обращения к религиозным и нравственным

суждениям всегда существовавшим в культуре региона, основанным на понятиях справедливости и совести.

В. ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАМКИ

Принципиальные рамки нужно развивать в связи с теоретическими рамками. Структурный характер демократических решений, которые предстоит принять, также, помимо актуальности и конъюнктурности, способствует их неизменности. Решение проблем должно быть направлено на спасение системы или ее переделку. Стабильность функционального государства и общества требует принятия такого типа решений. Поскольку демократия является государственной и социальной системой, то и шаги, предпринимаемые на пути к демократизации, должны носить системный характер. Я уверен, что принципы, которые мы перечислим, и которые можно будет развить еще больше, способны обеспечить минимальные условия создания прочных границ для демократической системы.

1. Принцип демократической нации.

Национальные элементы, способные обеспечить единство, должны быть воплощены не в виде национального государства, а в виде демократической нации, либо существующие национальные элементы должны преследовать цель преобразования в демократическую нацию. Личность, открытая для контакта, и гибкое национальное мировоззрение могут стать хорошим началом для реализации этой цели. Здесь очень важно то, что нация, в рамках которой станет происходить консолидация, должна быть создана или преобразована не силой власти, а на основе демократического принципа доброй воли. Личные и коллективные права и свободы в рамках демократической нации дополняют друг друга, как две стороны одной медали. Они включают в себя не только гражданина, а различные гражданские организации, общины и народные группы, считая эти единицы коллектива источниками богатства. Насколько гражданам удастся стать элементами функционального коллективизма, настолько сильнее становится их позиция.

2. Принцип общей Родины (демократической Родины)

В основу должен быть положен принцип общей Родины (демократической Родины). Иными словами, наиболее реалистичным является понятие Родины, в которой будут существовать не один язык, один этнос и одна религия, а Родины многоязычной, многонациональной, где граждане свободно исповедует различные конфессии. Следовательно, такая Родина будет процветать, основываясь на единении и братстве. Представление о такой Родине, где граждане ощущают свою принадлежность к одной - единственной нации, приводит к отчуждению большей части граждан. Отчуждение, усугубляющее поляризацию, — это мировоззрение, играющее роль самого настоящего сепаратизма. Совершенно очевидно, что такое понятие гражданства, когда люди как будто причесаны под одну гребенку, основано на фашизме. Разнообразие выражает богатство жизни природы и общества. Наиболее верным является развитие патриотических чувств не в русле шовинизма и расизма, а в духе привязанности к родной земле, экологических знаний и прогресса.

3. Принцип демократической республики.

Еще одним признаком отчуждения является трактовка республики, являющейся формой государства, в качестве национального государства, причем наиболее жесткой формы национальной государственности. Идеальный государственный режим для республики — это не национальное, а демократическое государство. Одно и то же государство не может быть и национальным, и демократическим государством одновременно. Эти две формы противоречат друг другу. Демократическое государство — это государство, открытое для установления демократической системы и существующее в согласии с ней. Национальное государство не ставит перед собой такой цели, оно, напротив, ассимилирует демократическое общество. Принцип демократического урегулирования гармонирует с республиканским строем, но он не может гармонизировать с формой национального государства. Очень важно считать республику организацией, цементирующей процесс демократизации, и строить ее, основываясь именно на рамках этого мировоззрения. Для демократического урегулирования особенно важно не прибегать к идеологизации формы государственности или республики, не привязывать ее к одному единственному этносу. Наиболее правильным является правовое определение республики как организации, способствующей демократической консолидации всех граждан. Иными словами, крайне важно считать республику институтом демократического права всех граждан. В таком случае социальный и светский принципы самым основательным образом оказываются включенными в эту концепцию. Только таким образом открыто охарактеризовав республику, мы сможем не связывать ее с одним единственным этносом, религией, идеологией. Например, гораздо более содержательным и способствующим достижению единства может стать выражение национальной идентичности с помощью таких понятий, как «турок» и «курд», относящихся к имеющимся признакам этнической и родовой принадлежности, не прибегая к таким понятиям, как «ислам», «христианство» и «суннизм», выражающим религиозную и прочую идеологическую принадлежность.

4. Принцип демократической конституции.

Несмотря на то, что демократизация является политическим движением, она не сможет стать прочным и систематическим режимом управления без опоры на конституцию, сформированную на базе общественного консенсуса. Демократические конституции выражают согласие между демократическим обществом и государством. Личные права и свободы могут обрести смысл только в границах демократического общества. В противном случае невозможно отстоять эти права перед концентрирующим огромную силу государством. Демократическая конституция является незаменимым средством восприятия государства не в качестве структуры, постоянно создающей и усугубляющей проблемы, а как конструктивного фактора, представляющего собой сферу накопления опыта и мастерства. Демократическая конституция является тем самым инструментом, который способствует сохранению дееспособности государства, его превращения в институт накопления опыта и мастерства, а также связывает друг с другом общество и государство.

5. Принцип демократического урегулирования.

Принцип демократического урегулирования является моделью урегулирования, опирающейся на идею демократизации гражданского общества, не преследующего цель стать государством и не

являющегося продолжением государства. Иными словами, этот принцип опирается на демократическое общество. Помимо того, что принцип демократического урегулирования учитывает значительные формальные изменения, происходящие в структуре государства, он также обращается к решениям, направленным на поиск демократического режима в структуре общества. Применительно к государству этот принцип требует принятия демократической конституции. Естественно, для формирования демократической конституции должны прилагаться соответствующие теоретические и практические усилия, и целью этой конституции должно стать благополучие скорее общества, чем государства. Антагонизмом принципа демократического урегулирования является насаждаемое авторитарно-государственное решение. Как принцип демократическое урегулирование не стремится к разделу власти, даже сторонится власти, поскольку чем выше концентрация власти, тем значительнее отход от демократии. Если общества организуются только лишь от имени правительств или государств, то возникающая при этом система будет носить антидемократический характер, потому что не принимаются во внимание общественные силы. Если механизмы власти и государства носят позитивный характер, они, может быть, и откроют путь к демократизации, но сформировать процесс демократизации не смогут.

Принцип демократического урегулирования не преследует цель узурпировать власть или государство, как не стремится и стать частью государства или сформировать один из его блоков. Основной момент принципа демократического урегулирования заключается в том, что мирное сосуществование демократических и государственных институтов должно быть взято под конституционную гарантию. Между двумя структурными явлениями существует законная связь. Они не могут существовать по принципу взаимного отрицания. Нет необходимости в ликвидации государства во имя демократии, но и демократия не должна быть растворена во имя государства. Чрезмерная сопряженность этих институтов в западной системе приводит к тому, что демократия превращается в некую «показушную» структуру в рамках национального государства. Наиболее актуальной проблемой демократизации является преодоление влияния этой самой сопряженности и реорганизация процесса сосуществования двух упомянутых структур. Насколько незаменимым является ограничение государства со стороны демократии, настолько же принципиально важно, чтобы государство, став накоплением опыта и мастерства, играло роль цементирующего каркаса демократии. В историческом процессе победителем станет демократическое общество. В сущности, оно выражает такую ситуацию, когда мирно сосуществуют государство и демократические институты. Но, тем не менее, их напряженность может привести к соперничеству; выше названные процессы будут способствовать развитию и усилению демократического общества.

6. Принцип единства индивидуальных и коллективных прав и свобод.

Бесчисленные примеры мировой истории дают возможность осознать, что если при урегулировании проблем демократизации столь жизненно важный принцип прав и свобод применяется путем разделения на индивидуальные и коллективные права, то такой подход не только не решает проблем, но, более того, усугубляет их, заводя в тупик, из которого практически нет выхода. Подобное разделение само по себе противоречит природе обществ. Никогда и нигде в истории человечества, независимо от степени прав и свобод, личность не жила в отрыве от общества. В принципе, особенность человека заключается в том, что он является наиболее развитым социальным животным. Следовательно, никакие права и свободы личности не могут обрести смысл, если они не разделены с обществом, которому принадлежит личность. Насколько

бессмысленной является личность, абстрагировавшаяся от общества, настолько же бессмысленны права и свободы, обретенные ею вне общества, и их применение попросту невозможно. Верно и обратное: права и свободы, признаваемые за определенным обществом, не имеют никакой ценности, если не нашли своего отражения на примере отдельных личностей. Права и свободы как таковые не могут реализоваться без личности. Лишая личность прав и свобод, можно оставить в столь же бесправном положении само общество, которому принадлежит эта личность, равно, как, лишая общество и коллектив прав и свобод, в аналогичном положении оставляют всех индивидов этого общества. Права и свободы не могут сосуществовать без личности и без общества, они вообще не могут быть реализованы до тех пор, пока не будут равномерно распределены между ними.

7. Принцип идеологической независимости и свободы.

Этот принцип основан на необходимости понимания того, что демократизация и свобода, лежащая в ее основе, невозможны до тех пор, пока не удастся освободиться от идеологической гегемонии. Именно современный капитализм надели ее главенствующей ролью в мировом масштабе. Идеологическая гегемония имеет грубо - материалистический характер, являясь, в сущности, идеализмом и считаясь «позитивистской наукой». Позитивистская наука является главным принципом европейской цивилизации. Без гегемонизации данного принципа она не смогла бы в мировом масштабе построить и развить в полной зависимости от себя другие фундаментальные элементы, такие, как капитализм, индустриализм и национальное государство. Используя свою ориенталистскую науку, идеологическая гегемония завоевывает сознание Ближнего и Среднего Востока. Вслед за этим, или вместе с ней, при помощи других фундаментальных элементов в самых различных формах она осуществляет завоевания, аннексии и колонизацию. НеокOLONиализм, находящийся по своей природе в тесном сотрудничестве со старыми деспотическими местными элементами, усугубляет проблемы демократизации. Любое сопротивление этому процессу носит демократический характер. Для того, чтобы эта демократическая сторона могла бы развиваться и усилиться, сохраняя жизнь и способность, и обрести систематические формы, ей следует оторваться от господствующей идеологии. Для того, чтобы альтернативные идеологии имели смысл, они должны включать в себя местные, городские, региональные многонациональные категории и понятие общей Родины. В противном случае может получить развитие совершенно иная идеологическая гегемония.

Традиционные религиозные и расистские взгляды имеют такой же гегемонистский характер, как и позитивистская гегемония, являющаяся, по меньшей мере, идеологией современного капитализма. Идеологические выступления, основанные в вышеуказанных основных категориях на освободительных идеях, можно считать освободительными идеологиями. Только при помощи этих освободительных идеологий можно решить проблемы демократизации и внести ясность в способы урегулирования проблем. Без идеологической свободы шаги, направленные на демократизацию, могут в любую минуту наткнуться на препятствия, оказавшись под контролем гегемонистских идеологий. Идеологическая свобода, будучи связанной с истиной социальной природы, находит постоянное выражение в реализации и деятельности демократического общества. Общественная истина является свободным выражением реалий демократических обществ.

8. Принцип историзма и современности.

Проблемы демократизации и возможности их урегулирования тесно связаны с правильным пониманием взаимоотношений между историей и современностью. Мышление, на протяжении всей истории игнорирующее соответствующие проблемы и возможности их урегулирования, подвергая все это жесткой цензуре, не только не осознает и не решает проблемы демократизации, а также все общественные проблемы, но неизбежно усугубляет их, доводит до тупикового состояния, превращая в кризис, столкновения и войны. Историческое прошлое — это фундаментальные условия, определяющие современность. Современный или актуальный характер состоит из умения представить саму историю вместе с ее проблемами и путями их решений. Единственная разница заключается в том, что историческое прошлое уже нельзя исправить, но современные и актуальные проблемы поддаются корректировке. Основываясь на интеллектуальной базе и используя материальную силу, мы способны изменить современность. Можно ускорить изменения, повернуть их в различные стороны, придать им освободительный, или, наоборот, порабощающий характер, — это обстоятельство целиком зависит от позиций сил, влияющих на ход современных событий. Важнее всего ответ, который будет дан на вопрос, как историческое прошлое в основных своих аспектах должно отражаться в современности? Анализ современности как выражения сфер истории, в особенности связанных с интересующими нас вопросами, является ключом к решению общественных проблем. Минувшее, осознанное именно в таком ключе, станет для нас колоссальным источником сил. Маловероятно, что люди, не способные правильно осознать и написать свою историю, будут в состоянии правильно осознать современность, реализовать идеи освобождения и демократизации. Свобода и демократизация, установленные по мановению руки, не могут быть постоянными, они исчезнут столь же быстро, как и были приобретены.

Необходимо точно понимать, что само общество — это наиболее развитая история. Не познав в этой ипостаси общество, само по себе являющееся историей, невозможно освободить его от проблем, приобщить к демократическим решениям и демократическому стилю жизни. Именно поэтому первое деяние, которое совершают все деспоты, — это уничтожение исторической общественной памяти народа. В таком случае первое, что должны сделать демократы, — это восстановление исторической памяти, то есть самой истории со всеми ее истинами. Наиболее значительное разрушение, совершаемое современным капитализмом, выражается в том, что он подвергает смертельным атакам человеческую память и представляет сегодняшний день как бесконечность, точнее, как конец истории. Поэтому в его представлении все состоит из зажатого «сегодня». Болезнь, называемая индивидуализмом, связана с этим мировоззрением. Индивидуализм, выраженный в формулировке «живи сам, остальное все пустое», порожден отрицанием исторического общества. От такого мышления нельзя ожидать общественной истины и демократического социального мировоззрения, к выражению которого она стремится. В этом смысле либеральный индивидуализм является отрицанием демократии. Правильным принципом социальной науки должно стать умение видеть в истории миг, а в одном мгновении — всю историю.

9. Принцип нравственности и совести.

Западная социология не признает принципа совести. Она использует аналитическое мышление. Совесть же испытывает потребность в чувственном мышлении. Современная социология, начинавшаяся как аналитическая философия, сегодня превратилась в технику управления. Совесть как понятие стоит первой в числе принципов, помогающих общественной структуре продолжить свою жизнедеятельность. Совесть является справедливым судом общества. Когда теряется

совесть, общество превращается в опаснейший чудовищный механизм. Совесть можно считать сущностью религии и нравственности. Если отбросить в сторону религию и нравственность как сухие традиции, то станет ясно, что все, что находится за этими двумя институтами, является общественной совестью. Общественная совесть — это единственная сфера, где может найти свое убежище тот, у кого нет политической, военной, экономической силы. Когда разрушается эта сфера, начинает действовать только принцип силы, и тогда человек человеку становится волком.

Демократия не является тем режимом, который может действовать без совести. Монополистские устремления силы и капитала созданы на отрицании совести. Демократизацию можно назвать также движением, в рамках которого невозможно отрицание совести, и общественная совесть обретает прочные позиции. Огромное общество, оставшееся за пределами монополии силы и капитала, можно защитить только благодаря совести. Современная социальная совесть в определенном смысле является возвращением утерянной совести. До тех пор, пока демократизация не станет движением обретения утерянных ценностей совести, она не сможет обрести смысл, а личность и меньшинства не обретут свои права и свободы. Все эти мотивировки требуют обязательного участия в решении проблем демократизации того самого принципа совести, который является общественной ценностью, вытекающей из ценностей религии и нравственности.

Истина массовых убийств не могут быть рассматриваемы без учета фактора совести. Все преступления и массовые убийства, совершаемые в эпоху современного капитализма, могут быть признаны только в случае действия принципа совести — он способствует торжеству справедливости. Во всех общественных проблемах современность берет за основу принцип силы. В соответствии с этим принципом прав тот, за кем стоит сила, а тот, кто ею не обладает, многое теряет и перестает быть реальной единицей. Это и есть болезнь, лежащая в основе современной эпохи. С подобным принципам общество, только может вернуться к уровню джунглей эпохи раннего палеолита. Если мы хотим найти фундаментальные, справедливые ответы на кардинальные проблемы общества, в первую очередь, вопросы демократизации, то вместо принципа силы необходимо обязательно руководствоваться принципом совести. Этот принцип не чужд восточной культуре — более того, восточная культура уделяет принципу совести важнейшее место в решении этих проблем. Нельзя отказываться от принципа совести во имя ледяных расчетов капитализма и силы. Развивая процесс урегулирования проблем демократизации в Турции, мы просто обязаны уделить важнейшее среди всех принципов место именно принципу совести и обратить свои взоры именно к нему.

10. Принцип самозащиты демократий.

То, что все в нашей жизни, начиная от одноклеточных микроорганизмов и заканчивая частичками в структуре атома, которые не считаются живыми существами, но, тем не менее, являются фундаментом принципа одушевленности, не может существовать, не защищая себя, является не только известной, но и научно доказанной истиной. То, что в высшей степени разумные и гибкие системы, коими являются человеческие общества, не могут существовать без самозащиты, мы можем легко заметить в любое время и в любом месте. Даже войны тесно связаны с искаженным пониманием самообороны систем цивилизации. В условиях классовой цивилизации демократические общества и свободные личности оказались лицом к лицу с необходимостью самозащиты. Первобытное общество на протяжении длительной истории своего существования, помимо возникавших в нем противоречий, постоянно сталкивалось со смертельной опасностью,

исходящей от живых и неживых явлений природы, и потому всегда и везде считало собственную защиту важнейшей функцией.

Одним из жизненно важных вопросов является самозащита перед лицом монополистского гнета и эксплуатации, осуществляемой элементами современного капитализма (национальное государство, капитализм и индустриализм) в отношении экономических, экологических и демократических обществ, а также равноправных и свободных личностей. Жизнь без умения защищать себя завершается лишь оплачиваемым рабством, способствуя также безработице, болезням и деградации. Гораздо хуже то, что приводит к большому количеству физических и культурных геноцидов. Современная капиталистическая система ставит все общество, в целом, и индивидуумов, в частности, так и — в еще более жесткой форме — демократическое общество и свободную личность лицом к лицу с необходимостью прибегнуть к самозащите. В случаях, когда они не справляются с самообороной, теряют не только свободу, но и жизнь. Для того, чтобы продолжить свою жизнедеятельность, монополистские элементы современного капитализма не удовлетворяются одной лишь угрозой свободе и жизнедеятельности общества и личности; в последнее время они используют возможности экологии, вне которой жизнедеятельность попросту невозможна. Разрушение экологии является растянутой во времени разновидностью геноцида, на протяжении всей жизни осуществляемого в отношении общества и людей.

Демократическое общество и свободная личность вместе с революционным и эволюционным процессами должны искать решение проблем самозащиты. Последний период структурного кризиса современного капитализма ставит вопрос самозащиты выше всех остальных. Каждое общество должно стать не только единицей экономики, экологии и демократии, но и единицей самозащиты. В то же время все свободные и равноправные личности должны жить не только в рамках одной или нескольких единиц экономики, экологии и демократии, но в рамках одной или нескольких единиц самообороны. Три жизненных вопроса, коими являются питание, производство и охрана, имеют важнейшее значение для всех живых существ, но больше всего они применимы к обществу людей.

Часть III.

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ И ЕЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ

А. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ

Проблема демократии, имеющая вселенский характер, возникла вследствие процесса обособления верхнего иерархического слоя родоплеменных сообществ. Отделение правящей прослойки в родоплеменном сообществе, представлявшем собой естественную демократию, положило конец вышеупомянутой естественной демократии. Углублением данного процесса стал переход от иерархического государства к деспотическому. Системы цивилизации, в сущности, определяются именно этим процессом. Цивилизация устанавливает определенную авторитарность в докапиталистическом обществе Европы. В обществе бережет свой нравственный и политический потенциал. Привилегированное положение, признаваемое европейской цивилизацией за нацией и национальным государством, что, кстати, обусловлено требованиями капитализма и индустриализма, приводит к глубокому раздроблению нравственного и политического общества, глубоко проникает в общество. Это воздействие, воплотившееся в виде идеологической власти и монополии капитала, доводит до установления невиданного в истории господства над обществом. Современность ознаменована полнейшим ослаблением позиций личности. Любые проявления борьбы стремятся погасить ограниченными реформами. Европейская демократия старается при помощи реформ продлить существование личности и общества. Стержнем и оболочкой этой демократии являются права и свободы личности, а также институт правового государства. Евросоюз представляет собой систематическое состояние этого фундамента. Но поскольку монополистская система продолжает насаждать свое господство сверху, возникающая демократическая система не может выйти из своих крайне суженных рамок, оставаясь контролируемой системой власти. Проблема демократии продолжает существовать.

Автохтонные сибирские племена, начиная с 7000 гг. до н.э., когда происходило таяние ледников на Южно-Сибирском плоскогорье, под влиянием неолитической революции, происходившей на ближнем и Среднем Востоке, уже в 4000 гг. до н.э. пережили собственную неолитическую революцию. В 2000 гг. до н.э. начался переход от иерархии к цивилизации, государству. Первая цивилизация с центром в современном Китае вышла на историческую арену в середине II тысячелетия до н.э. Она находилась в состоянии постоянной борьбы с племенами, являющимися прототипами современных японцев, корейцев, вьетнамцев, монголов и турок. Эту борьбу можно считать естественным демократическим проявлением в отношении китайской цивилизации. В историческом наследии Китая впервые упоминаются предки турок, называвшиеся тогда гуннами. В связи с тем, что племена гуннов переживали период первобытно — общинного строя, у них происходили постоянные стычки с китайской цивилизацией, к которой их было нелегко приобщить к цивилизации. Испытывая определенные трудности, эти племена сменили свой курс на Запад. Западные гунны в V веке н.э. еще продолжали жить на обширной территории — вплоть до Центральной Европы и Рима. Тем не менее, избежать растворения в котле цивилизации не удалось. На Востоке гуннов ассимилировали китайцы, на Западе — славянские племена. Несмотря

на то, что этот ассимиляционный процесс сначала хотели прекратить при помощи таких религий, как индуизм и манихейство, но по-настоящему этому процессу положил конец именно ислам. Имевший место еще раньше, в середине VI и VIII веков, опыт создания Гёктюркского и Уйгурского государства остался на уровне конфедерации.

Прото-тюрки по-настоящему приобщились к цивилизации только в IX веке, когда они вступили в тесный контакт с исламом и приняли мусульманскую веру. Проблемы тюркизма и демократизации, начавшиеся еще со времен Караханлы и продолжающиеся по сей день, тесно связаны именно с этим процессом цивилизации. Ближневосточная тюрко-исламская цивилизация началась, в общем-то, с Сельджук-бея и его владений. Прототюрки и прежде старались укорениться в цивилизациях Ближнего и Среднего Востока. Но хорошо известно, что в массовом порядке, как племена, они впервые поселились на Ближнем и Среднем Востоке только во времена Сельджук-бея и его сыновей. На своем пути к оседанию на Ближнем и Среднем Востоке Сельджук сам сталкивается с двумя религиозными течениями, коими были иудаизм и магометанство. Тот факт, что он назвал своих четырех сыновей иудейскими именами, свидетельствует о глубоком влиянии, которое оказал на него Хазарский каганат, бывший, в общем-то, иудейским тюркским государством. Именно поэтому нельзя конкретно утверждать, насколько глубоко он воспринял мусульманство. Тюркизацию, как процесс, можно связать с мусульманством, поскольку мы не встречаем никакой иной тюркской цивилизации, за исключением цивилизации Гёктюрков, просуществовавшей очень недолго, несколько ранее Сельджуков. Можно предположить, что так их назвали арабы. Но следовало бы очень хорошо осознать, что до начала эпохи национализма общества идентифицировали себя не при помощи фамилий, или названий родов, а называя свое вероисповедание. В тот период речь могла идти или об исламе, или о другой религии. Именно так были созданные социальные реалии.

Начиная с XI века, Сельджукский султанат стремится установить жесткое господство над подконтрольными ему племенами. Но эти племена оказывают яростное сопротивление. Согласно историческим данным, первые тюркские племена огузов, перешедшие в Иран в 1017 г. проявили недовольство крайне жестким характером господства над ними. Эта первая волна, насчитывавшая пять тысяч человек, нашла свое спасение именно в миграции на территорию Ирана. Ясно, что среди племен, мигрировавших на Ближний и Средний Восток, изначально зародилось яростное сопротивление цивилизации, выражавшейся в комплексе урбанизации, классового расслоения и огосударствления. Эти племена, получившие название «туркмены», находившиеся под постоянной угрозой подавления и превращения в крепостных крестьян, стали этническим стержнем современных турок. Родоплеменная аристократия не только считала туркмен презренными, но и сама не желала называться тюрками. Они предпочитали называться арабами, персами, шахами, султанами и, забывая тюркский язык, использовали османский язык, собранный из арабского, персидского языков и множества наречий и говоров. Но действительно аристократические круги тюрков сохранялись в недрах туркменских племен.

Прокомментировать этот краткий исторический экскурс мы можем при помощи следующих фактов:

Начиная с XI века, одновременно с переходом на Ближний и Средний Восток, в тюркских племенах начался глубокий процесс классового расслоения. Возможно, тогда же возникла проблема демократии. То, что они закрыли в клетке султана Санджара - последнего сельджукского султана, повелевавшего туркменскими племенами, и возили его с собой, со всей очевидностью свидетельствует о том, насколько они были привержены независимости и демократическому образу жизни.

С принятием ислама разделение тюркских племен на две основные группы становится сутью проблемы демократии. Если аристократия, точнее, военная и религиозная знать, и землевладельцы, сконцентрировавшись внутри государственной машины, сформировали монополию власти, то неимущие слои, выдворенные за рамки системы, или, подобно старым кочевым племенам, мигрировали с летних пастбищ на зимние, или же, пополнив ряды городских и сельских бедняков, продолжали свое существование, занимаясь ремеслами и хозяйством. Это расслоение, переживаемое всеми народами Ближнего и Среднего Востока, завершилось многочисленными волнениями и вынужденным переселением. С тем же связано и конфессиональное расслоение. Если суннизм стал обретать официальный статус как конфессия господствующей прослойки, то оппозиционные ему алевиты, шииты, ишракиюн, мевлеви и бекташи стремились к продолжению своего существования в статусе полутайных сект. В Средневековье демократическая борьба воплощалась в виде этих конфессиональных реалий. Демократизацию того периода старались обеспечить именно на базе этих конфессий. В принципе, жизнь кочевого племени сама по себе является примером демократической борьбы. Наиболее точной формой отображения демократической сути всех родоплеменных систем средневековья было бы ее истолкование в качестве демократической борьбы.

Если рассматривать официальный ислам как идеологическую монополию, то идеологии полутайных сект можно считать демократическими речами. Эти демократические народные движения, происходившие до начала XIX в. перейдут на новую стадию, когда современный капитализм установит влияние на Ближнем и Среднем Востоке. С одной стороны, имперские режимы, являющиеся старыми гегемонистскими силами, распались под давлением тенденций национального государства, с другой стороны, мелкие национальные государства, созданные на их месте, осложняют решение проблем демократии. Национальные государства воплощают собой двойное отчуждение: с одной стороны, отчуждение власти, являющейся пережитком старой цивилизации, с другой стороны, отчуждение в виде национального государства, вызванное усилиями современного капитализма. Ужесточающаяся монополия власти использует режимы, приводящие народную культуру к гибели. Капитализация, осуществляемая руками государства, происходит в тесном взаимодействии с превращением в буржуазию и фашизм. Данный процесс в крайне жесткой форме происходил в Турции в XX веке. Эту истину выразило движение, называвшее себя «Обществом единения и прогресса».

Все данные указывают на то, что «Общество единения и прогресса» было прототипом фашистской партии Италии и нацистской партии Германии 20 - х годов прошлого века. Аналогичные процессы, происходившие во многих странах, поздно вступивших в фазу капитализации, были не случайными, а связаны с актуализацией современного капитализма. В данном случае определяющей является ответственность бюрократической буржуазии, считающей, что из углубляющегося затяжного кризиса современности ей удастся выйти только путем жестких классовых войн и массовых убийств.

Не следует приуменьшать роль, которую сыграл при этом социализм, избравший в качестве главной цели достижение уровня национального государства и индустриализма, являющихся элементами стремящейся к систематизации современности. Не только демократия, но и сам демос, народ, как культурная ценность, столкнулись с проблемой жизни и смерти. Две мировые войны и период между этими войнами можно считать яростным стремлением современного капитализма утвердить при помощи трех своих главных элементов (общественного строя, национального государства и индустриализма) гегемонию в мировом масштабе. Если многие нации, народы и культуры до мозга костей ощутили угрозу этого агрессивного устремления, то те, кто сумел найти

возможность спасения, тем не менее, явно преувеличили свои возможности и не смогли уберечься капитуляции перед господствующей системой. III Интернационал, кстати, так и не сумевший разрушить тенденции современности, в 30-е годы прошлого столетия хотел создать трудовой, народный и антифашистский фронты, но этот опыт не внес сколько-нибудь существенного вклада в развитие демократии. Либеральная демократия, народная демократия реального социализма, вышедшие на арену в период холодной войны, то есть сразу после Второй мировой, по своей сути были отрицаниями демократии. Ведение войн за гегемонию под маркой демократии было попросту вопросом тактики. Распад социализма стал, в сущности, гибелью либерализма. Проблема демократии со всей серьезностью встала на повестке дня в конце 90-х, когда мир изнывал под углублявшимся структурным кризисом системы. Демократия вновь стала утверждаться в мировом масштабе; как с точки зрения содержания, так и формально она прилагала усилия к систематизации в виде современной демократии.

В условиях этой всемирной «турбулентности» Турция с одной стороны столкнулась с проблемой жизни и смерти, с другой же стороны, как республика она обрела шанс сделать новый старт. Мустафа Кемаль - паша как историческая личность, некогда совершившая этот первый шаг, может быть отождествлен с республикой. Анализ этих двух ценностей и сегодня не теряет своей актуальности и необходимости. Об этом свидетельствует также и тот факт, что Мустафа Кемаль вынашивал и хранил в себе мысли о республиканском строе, но, тем не менее, подчеркивал, что раскроет ее, когда наступит подходящее для республики время. Но сегодня, к сожалению, без ответа остаются такие вопросы: «Против чего и как была создана республика? На каких мировых принципах она базируется?». Вот фундаментальные вопросы, на которые нужно дать правильные ответы: «Соответствует ли это демократии в смысловом значении или нет? Если нет, то почему ситуация доведена до такого состояния?». Полное осознание проблемы демократии, блокирующей жизнедеятельность современной Турции, возможно только в результате тщательного анализа реалий, лежащих в основе этих проблем.

Для того, чтобы внести ясность в эти вопросы, недостаточно изучения новейшей истории Турции. Как и в любой стране мира, ситуацию в Турции и аналогичных странах можно осознать только в связи с укрепляющейся гегемонистской цивилизацией Европы. В этот период система -гегемон достигает апогея глобализации, поэтому анализ событий, происходящих даже в самых отдаленных уголках, независимо от анализа системы-гегемона, конечно же, окажется неполным. Второе важное обстоятельство заключается в том, что преобразования, пережитые Турцией, стали отражением конкретных событий, имевших место в Европе. Ключевым понятием в данном случае является якобинство. Не осознав в полной мере сущности якобинства, в наиболее определенной форме вышедшего на историческую арену в период Французской революции, но, так или иначе, дающего о себе знать во всех революционных событиях современной эпохи, нельзя осознать явления якобинство как явление и его последствия, присутствующие во всех остальных уголках мира, в том числе и в Турции.

Прежде всего, необходимо предположить, что якобинство стало универсальным современным явлением и сыграло главную роль в разрушении теократической традиции, оставившей глубокий отпечаток на главнейшей, длившейся пять тысячелетий, цивилизации. С классовой точки зрения якобинство представляет интересы средних слоев и буржуазии, стремящихся к власти. Это радикальная прослойка революционной буржуазии. В идеологическом и практическом смыслах якобинство является выражением радикализма. Наиболее благоприятные для себя условия власти якобинство видит в обстановке аннексии, начатой силой, считающейся чужеземной. Без обстановки неприкрытой агрессии шансы якобинской буржуазии на достижение власти ничтожно

малы. Только тогда, когда открытая агрессия воспринимается как бедствие для всего общества, «на улице якобинцев наступает праздник». Обстановка в высшей степени благоприятствует выходу на историческую арену в качестве власти. Общество, как правило, ищет спасителя. Теократические монархии, являющиеся традиционными властью предрержащими, не только не могут предотвратить агрессии, но давно уже освоили свою ренегатскую роль. Они могут защитить свои интересы только в тесном сотрудничестве с иноземными силами. Именно по этой причине общество переживало серьезную утерю легитимности. В этой ситуации наиболее благоприятные идеологические и организационные позиции были не у соглашательских высших слоев, а у средних слоев общества. Якобинская буржуазия оказалась наиболее организованной и образованной силой во всем среднем классе. Прототип якобинцев можно видеть в революционных событиях Голландии и Британии. Например, в 1640 году, то есть задолго до Французской революции, Оливер Кромвель стал лидером наиболее крупной «якобинского» типа революции в Британии, сокрушившей собственную монархию. По сути, масштабнейшая якобинская революция произошла не в 1792 году во Франции, а в Британии. Франция стала второй или третьей версией этой модели.

Голландию, пусть и в несколько иной форме, можно считать страной настоящей революции, вдохновленной якобинством. Якобинство — это движение к власти в условиях, когда традиционные высшие слои неспособны управлять обществом, а у низших беднейших слоев нет необходимой для управления идеологической и организационной оснащенности. Когда во всех трех странах сформировались аналогичные условия, вперед бросилось якобинство и своими резкими лозунгами о независимости, свободе и равенстве буквально подняло на ноги и взяло под свое крыло подавляющее большинство общества. Критический миг — это тот миг, когда большая часть общества пробуждается для захвата власти. Это — мгновенья самых серьезных перемен. Все сотрясается до мозга костей — но эти потрясения необходимы для рождения нового. Для Франции самым критическим мигом стал апрель 1792 года. Король-ренегат, не только сотрудничал со всей европейской аристократией, против революции 1789 года; но он еще и был в бегах. Умеренная прослойка среднего класса в лице жирондистов не хотела идти на радикальные шаги. Позиции следовавших за Г. Бабёфом коммунистов были крайне слабы. Обстановка складывалась как нельзя более благоприятно для якобинцев. Один из известных истории масштабных периодов террора начался именно в этих условиях и закончился в июле 1794 года, когда лидер якобинцев Робеспьер был отправлен на гильотину. Период 1792-1794 гг. во Франции одновременно является периодом первой революционной республики. Несмотря на то, что после 1794 года могут быть отмечены различные периоды, собственно говоря, имел место поиск новой системы. Этот поиск продолжается и в период Пятой Республики, дошедший до наших дней.

При анализе якобинства необходимо в общих чертах упомянуть некоторые его особенности. Первая особенность заключается в том, что оно было не движением меньшинства, а массовым движением. Второе: несмотря на частое употребление лозунгов о свободе и равенстве, якобинство в основном было движением радикального среднего класса, стремящегося к власти. Якобинство можно также назвать периодом диктатуры. Третья особенность заключается в следующем: после того, как все внутренние и внешние угрозы сошли на нет, якобинское движение, потерявшее свою материальную базу, пошло на спад. Свое место оно повсеместно уступало более правым силам, в редких случаях — левым силам. Это видно на кратковременных движениях, имевших место на примере Парижской Коммуны 1870 года и более ранних революционных событий 1848 года.

Еще одно важное обстоятельство, которое следует отметить в связи с якобинством, заключается в том, что с самого начала оно объявило себя новой нацией и, в момент захвата власти

национальным государством. Эта привязанность к идеям нации и национального государства стала названием и формой новой святости, занявшей место традиционных форм общества, коими являются мировое господство, экуменизм и общинность. Объявленные ими нация и национальное государство стали новой религией. Она занимает место старой религии. Для того, чтобы прийти к власти, необходимо формальное объявление общества новой святостью. В противном случае оно будет подавлено старой общиной. Очень жесткое зарождение французской модели национального государства тесно связано с чрезмерно террористическим характером революционных условий. Обретение революцией террористических черт является особенностью радикализма среднего класса. Порой для того, чтобы прийти к власти, он становится чрезмерно жестоким и безжалостным. С этим же связано и быстрое сползание среднего класса к пацифизму после исчезновения шанса на обретение власти. Опять же, среди якобинцев надо искать те самые слои, которые при ослаблении надежд и условий на захват власти быстрее всех угасают и в большинстве своем сдаются на милость правым силам. Незначительная часть якобинцев, усилив свои радикальные позиции, примыкает к коммунистам или непосредственно превращается в коммунистическое движение. Во всех революционных процессах Европы, а позднее и всего мира можно встретить такой поворот позиций. Другим важным обстоятельством, которое следует раскрыть на примере европейской конкретики, является связь фашизма и большевизма с якобинством.

Якобинство, конечно же, не исчерпало себя в 1794 году, оно продолжило свое существование, в той или иной форме оставив свой отпечаток на всех последующих революционных процессах. Оно также стало отцом двух радикальных проявлений – классовой власти и национализма. Немецкий национализм и его крайняя форма – нацизм – имеют якобинские корни, русский национализм и большевизм тоже имеют якобинские корни. В еще более открытой форме своими корнями уходит к якобинству итальянский фашизм. Нацизм и фашизм (сюда же можно прибавить все разновидности фашизма) представляют собой наиболее террористическую форму монополизированной буржуазной власти якобинцев. В определенной степени связаны с радикализмом большевизм и все схожие с ним течения, выражающие терроризм всех прослоек, пришедших к власти от имени беднейших слоев. Такие понятия, как нация и национальное государство выражены и созданы здесь от имени различных классов, но в чрезвычайной форме. Но, тем не менее, нельзя отрицать того, что они имеют общий источник в лице якобинства.

Очень важным обстоятельством, которое следует прояснить в данном случае, является вопрос о том, насколько большевикам удалось стать коммунистами. Я лично убежден в том, что, несмотря ни на какие идеалы большевиков, они имеют якобинское происхождение. Стремление большевиков к власти и приверженность их классово-национальной идеи способствовали тому, что они позиционировали себя в рамках модели национального государства, являющегося основным государственным режимом капитализма, против которого они же и выступали. Когда же большевики возглавили индустриализацию, это сделало неизбежным их превращение в современных радикалов, от революции уже не осталось ничего. Эти истины подтверждаются опытом построения реального социализма в Советском Союзе и Китае.

Гораздо очевиднее связь якобинства с либерализмом. Якобинство играет роль революционного террористического течения либерализма. То есть оно является радикальным крылом либерализма, которого следует воспринимать в качестве осьминога, действующего не одной, а многими присосками. Два движения, которые либерализм не смог включить в сферу своего влияния, — это католическое мировоззрение и демократическое общественное движение. Либеральные взгляды, использующие различные формы субъективного и объективного идеализма и материализма

позитивистской идеологии, — это идеологическая гегемония, труднее всего поддающаяся анализу. То, что капитализм буквально растворяет в своем современном котле все течения и стили жизни, которые кажутся противоречащими ему, начиная с наиболее радикального анархистского движения и заканчивая самыми актуальными феминистскими и экологическими, свидетельствует о том, что одним из реальных источников капитализма является идеологическая гегемония либерализма.

Таким образом, становится ясно, что рождение современной Турции необходимо рассматривать в связи с глобальными устремлениями капитализма и реалиями якобинства. Когда капитализм в 1870 году перешел на стадию империалистического монополизма, особенно после Берлинского соглашения 1878 года, Османская империя уже находилась на стадии распада. Национально-государственные течения изнутри и извне сотрясали старые традиционные имперские структуры. Реформаторские меры не давали должного эффекта; главной целью было спасение империи. Движение, получившее название «младотурки», стало отражением на имперские реалии европейского течения под предводительством Д. Мадзини. Оно сформировалось как националистическое крыло якобинства.

Среди всех движений, которые можно отнести к османскому национализму, своими специфическими особенностями выделяется «Единение и прогресс». Первая особенность заключается в том, что оно стало движением, или течением, сформировавшимся не в обществе, а в недрах государства. Вторая важная особенность заключается в том, что оно изначально было организовано в форме государственного национализма. Третья особенность — это преобразование капитализма и буржуазии, как системы, руками государства. Эти три особенности открыто свидетельствуют о правом фашистском характере якобинства, воплощенного в образе «Единения и прогресса». То, что в отличие от германского нацизма и итальянского фашизма, сформировавшихся в массах, а позднее организовавшихся в структуры государства, «Единение и прогресс» полностью существовал в структуре государства, отражает его фашистский характер, ставший наиболее реакционной формой якобинского национализма, точнее, вышедший далеко за рамки якобинства. То, что турецкое движение организовалось как государство, параллельно существующее в государстве, говорит о нем как об организации, аналогии которой очень трудно найти. Оно стало не прогрессивным государством в сравнении с традиционным, а самым настоящим фашистским государством внутри государства. В этом смысле оно стало пионером, примером для других. Неслучайно Гитлер позднее использовал модель «Единения и прогресса» в качестве образца для своей партии. Оно является первой моделью государства в государстве.

Гораздо интереснее тот факт, что руками государства в его же структуре они создали идеологию национализма. То, что первые четыре создателя организации, не будучи тюрками по происхождению, принялись создавать прототюркскую нацию, является предвестником проблемы демократии, которая со временем начнет усугубляться. Созданное ими параллельное государство изначально было антагонистично и традиционному государству, и социологическим реалиям. Оно целиком было искусственно созданным — в этом еще явственнее становится определяющий фашистский характер. То, что общество с начала XX века стало ориентироваться на экстремизм, в каком-то смысле похоже на гражданскую войну. Еще в 1906 году вооруженный экстремизм мог привести общество к гражданской войне. Сам факт гражданской войны внутри государства является крайне примечательным и практически беспрецедентным примером. Этот шаг в дальнейшем будет принят за модель переворотов, даже демократии западного типа сделало не возможным.

Использование официального государства в качестве неофициального ядра по смыслу своему является самым тяжким нарушением принципа демократизации. Еще ужаснее то, что государство перестает быть государством. Самой прямой функцией государства является управление обществом, официально и при помощи определенных правил. При всех недостатках у османских султанов были очень четкие традиции управления государством. У них была определенная этика и правила, пусть и религиозного характера. К тактике заговоров они обращались в редчайших случаях, причем это могло носить сугубо личностный характер. Что касается движения «Единение и прогресс», то их стиль управления государством и обществом полностью состоял из заговоров и переворотов. Это подтверждается тем, что государство полностью было нейтрализовано. Накануне Первой мировой войны эта истина проявила себя во всей своей красе. Если посмотреть глубже, то при помощи самых деградированных и фашистских методов якобинства государство нельзя спасти, напротив, его можно полностью ликвидировать. Превращение государства в бандитскую структуру означает то, что оно перестает функционировать как государство. Несмотря на все благие намерения, I и II периоды конституционных реформ в Турции внесли свой «весомый вклад» в формирование неконституционного, бандитского государственного или негосударственного мировоззрения, что полностью противоречило их целям. Бюрократический бандитизм довел новое государство до такого состояния, что впору было ностальгировать о старом государстве.

Деграцию, которую пережил немецкий фашизм в 1945 году, еще в 1918 году пережил фашистский режим иттихадистов, что отразилось на всех тюрков. Иное было невозможно. Государство, изнутри пронизанное преступностью, уже давно находилось в состоянии деградации. В 1918 году в Анатолии и Месопотамии не просто государство, но и общество оказались лицом к лицу с неприкрытой агрессией. В самой глубокой форме ощущался кризис государства и демократии. Остальные механизмы государства и общественные силы, противостоящие этой ситуации, не могли найти никакого иного средства, кроме как перейти к самообороне. Ясно, что на фоне такой картины лидерские позиции Мустафы Кемалья ассоциируются с якобизмом. Шаг за шагом происходила неприкрытая агрессия. Традиционная правящая элита давно уже сотрудничала с иноземными силами. У очень слабого коммунистического движения не было никаких лидерских позиций. Оставался только шанс на переход к движению среднего класса от имени всего наиболее радикального и организованного общества. Мустафа Кемаль, и как личность, в силу своей зрелости, и как источник воли, стал лоцманом в море этих условий. Более того, значительно облегчило ситуацию хорошее знание французского языка и четкое понимание III республики, усвоение принципов якобизма. Он хорошо усвоил республиканские идеи якобинцев и обладал яркими организаторскими способностями. Оппозиция руководству организации «Единение и прогресс» и объединение в составе собственной группы с момента распада этой организации способствовали большому вкладу в формирование его статуса лидера якобинского толка. Оставался только переход к активным лидерским позициям.

Известно, как Мустафа Кемаль в 1919 году перешел к активному руководству своей группой. Самый главный вопрос, который следовало бы задать, связан с английской колониальной администрацией и низвержением султана Вахдеттина. Ответ на этот вопрос, являющийся предметом многих спекуляций, теряет свое значение с переходом к активному руководству. Процесс, начатый с объявления в 1920 году о создании Великого национального собрания (Меджлиса) Турции выражает идею социальной революции, которая, по своей сути, оказалась выше противостояния агрессии. Характер и цели Меджлиса подтверждают эти факты. Самая важная особенность, о которой необходимо сказать, заключается в том, что основную роль в этой революции сыграли не раздробленные государственные силы, а общественные. Без поддержки

общественных сил механизмы большого государства, находящегося в стадии глубокой деградации, не могли бы управлять революцией. Ясно, почему Мустафа Кемаль, хорошо осознавший эту ситуацию, считал Меджлис единственным источником легитимности. Меджлис, пусть и не достаточно глубоко, осознал революционную ситуацию. Он представлял преимущественное большинство общества. Известны демократические функции первого Меджлиса. Он внес ясность в Национальный Турецкий пакт, который взял за основу в комплексе всех его религиозных, национальных и классовых особенностей. До последнего он противостоял агрессии. Религиозный характер общества был выше его национального характера. Основу общества составляли турки и курды, исповедующие мусульманство. Он не был врагом коммунизма. Дружил с Коммунистическим Интернационалом в лице Ленина. Очень сильно влияние среднего класса на Мустафу Кемаль. Значительная часть бюрократии и дворянства происходила из среднего класса, и он видел в его действиях борьбу за выживание. Если говорить более конкретно, силы, вступившие в союз в рамках ВНСТ, — это идеологически принадлежащие к среднему классу светские турецкие националисты, дворяне, турецкие и курдские вожди племен, входящие в исламскую общину (уммету), а также симпатизировавшие большевикам социалисты, принадлежавшие низшим слоям. Эти течения и представители вступили в действие как общественные силы, противостоящие агрессии, пусть и не в определенной форме.

Лидерство Мустафы Кемаль, пусть и с трудом, но было принято. Открытую агрессию страны, предотвратила позиция этих социальных сил. 1920-1922 годы прошли под знаком революции, в которой преобладающим фактором было применение силы и военных мероприятий. Якобизм как процесс успешно осуществился. С точки зрения демократизации этот период предоставил очень важный шанс, получивший продолжение уже в 1923 году, когда была провозглашена республика. Однако Конституция 1924 года оказалась намного слабее Конституции 1921 года, а в 1923 году в ВНСТ была загублена идея плюрализма. Депортация курдов под предлогом подавления курдского восстания в 1925 году повернула вспять этот исторический шанс, и тогда же было принято решение о переходе к однопартийной системе.

Вопрос о том, как и почему начался данный процесс, по сей день стоит на повестке дня и является предметом постоянных обсуждений. Но убийство лидера Турецкой коммунистической партии Мустафы Супхи и руководящих деятелей партии в результате заговора в январе 1921 года, а также высылка в 1923 году видных деятелей исламского движения Саид-и Нурси и Мехмета Акифа, заговоры и провокации, имевшие место во время курдского восстания 1925 года, причины и силы, стоящие за всем этим, открыто свидетельствуют о разрушении демократического союза и торжестве гегемонии. Мнение, что Мустафа Кемаль является ответственным за начавшийся процесс гегемонии, способствует игнорированию основных причин. Мустафа Кемаль в достаточной степени сыграл свою историческую роль в предотвращении агрессии и провозглашении республики. Но ему не удалось защитить демократический союз республики, помешать его распаду. Внутренние и внешние причины в данном случае возымели намного больший эффект, нежели роль личности. Большое значение в исключении курдов из процесса внутри страны сыграли подстрекатели курдского восстания и приспешники султаната, хотя в ходе тайного голосования 1922 года 373 голосами против 63 было принято решение о создании меджлиса, основанного на идеи автономии курдов. В начале 1924 года Мустафа Кемаль своими личными заявлениями подчеркивал проекты урегулирования, которые могли соответствовать идеи автономии для курдов.

Исключение курдов из жизненного процесса связано не с преднамеренной этнической чисткой, устроенной Мустафой Кемалем, а с провокациями, которые осуществляли вместе с британскими

сторонниками султаната, несмотря на Национальный Турецкий пакт, Мосул и Киркук были выдворены за пределы границ. Откровенно говоря, имело место следующее: в противовес Мосулу-Киркуку было заключено соглашение о ликвидации курдов, точно так же, как греков и армян. Почему республика выдворила курдов за пределы системы в ответ на привилегии, предоставленные ей Британской империей, против которой сама же республика вела войну за независимость? Это связано не с исторической ошибкой, а с осознанным выбором. Видимо, республика посчитала, что нет необходимости в союзе с курдами. Более того, опасалось поддержки курдов, англичанами. Достигнутое соглашение было похоже на соглашение с греками, русскими и французами. В данной ситуации одним из серьезных антидемократических шагов республики на заре своего провозглашения стала курдская тема. Итогом стали боль, материальные потери и постепенное сползание республики в антидемократическом направлении.

Нарушение союза с исламской общиной стало вторым серьезным антидемократическим шагом. Как бы ни пытались под маркой светского образа жизни представить постоянные идеологические и практические кампании против исламской общины уммета и выдать проблему в форме «прогрессивности-отсталости», все, что осуществлялось, было гегемонистским выбором системы. То, что система подмяла под колесами своей гегемонии мировоззрение и массы господствовавшего в обществе исламского уммета, стало умышленным антидемократическим действием современного капитализма, в какую стадию вступила система. В данном случае очень важную роль сыграли передовые гегемонии Европы во главе с Британской империей. Выбор сделан в рамках их утверждений. Отрыв новой Турецкой Республики от исламского уммета как внутри стран, так и за ее пределами, был предусмотрен в качестве стратегической цели; так и действовали, такой был сделан выбор. Представителей трудящихся слоев изначально пытались выдворить за пределы системы. Не только убийство Мустафы Супхи, но и все случаи запретов и арестов были связаны с этим желанием.

Имела место гегемония буржуазии, стремящейся сформироваться под крылом ангела-хранителя республики. Используя своих стратегических союзников, она вырвала у современного капитализма разрешение стать властью при его же руководящей роли. Образовалось новое государство, обозначившее свой выбор в пользу капитализма во время Измирского экономического съезда, еще на заре провозглашения республики; произведенные культурные революции подчеркнули решение в пользу современности. Выдворив за рамки системы всех союзников, государство открыто сделало ставку на западную цивилизацию. Здесь речь идет не о личности Мустафы Кемаля, а о таких понятиях, как конъюнктурные и структурные сроки. Жизнедеятельность провозглашенной республики проходит через тесные взаимоотношения с Британской империей. Несмотря на дружеское соглашение с руководством Москвы, основная дружба разворачивалась на британском фронте.

Именно эти факты оставили свой отпечаток на внешней политике Мустафы Кемаля. Принимая во внимание реалистичность Мустафы Кемаля, нетрудно понять все произошедшее. Откровенно говоря, республика могла существовать только вследствие достижения согласия с Британской империей, что и было сделано. Появилось политическое образование, полностью соответствующее политике Британии на тот период. Было дано разрешение на превращение республики в национальное государство, взамен были выдворены за пределы системы курды, исламисты и социалисты. Если бы не было соглашения с британской политикой, республика не стала бы игнорировать своих основных союзников. Сделав выбор в пользу национального государства, республика начала сползать в сторону конъюнктурных, авторитарных и фашистских режимов того времени. В частности, в конце 30-х гг. этот выбор стал определяющим. На

протяжении длительного периода республика откровенно делала ставки на западную цивилизацию. На повестке дня не стояли вопросы склонения в сторону Советского Союза или возврата к исламской цивилизации.

Насаждение модели национального государства в Турецкой Республике при помощи чрезмерного национализма считалось важнее любых демократических шагов. Мустафа Кемаль не находился во главе этого эксперимента, хотя так принято считать. Опыт Свободного Единства 1930 года, глубокий интерес к исследованиям, связанным с шумерами и хеттами, свидетельствуют о поисках патриотизма, основанного на демократичном, далеком от расизма, культурном наследии Анатолии. Ускоренная реализация национал-государственной программы со всеми перегибами связана с традицией иттихадистов. Казалось, кроме Мустафы Кемалья никто не боролся против этой традиции. Напротив, подавляющее большинство военной и гражданской бюрократии во главе с Исметом Инёню, Февзи Чакмаком и Кязымом Карабекиром, будучи выходцами из организации «Единение и прогресс», до последнего оставались ее стойкими последователями. Перемены выражались только в переходе с прогерманской ориентации на проанглийскую. События, имевшие место после покушения на Мустафу Кемалья в Измире, свидетельствуют о том, что он находился в полной изоляции. Мустафа Кемаль после 1926-1927 гг. оказался заключенным в окопы бюрократии в Чанкае. Говоря о том, что имело место не воля личности, а воля конъюнктуры, хотелось подчеркнуть важность этой истины. Необходимо иметь в виду и то, что вплоть до создания государства Израиль в 1947 году, в сионистском движении, связанном с Британской империей, существовал план обретения евреями родины в новой Турции. Республиканский период, длившийся вплоть до смерти Мустафы Кемалья Ататюрка, прошел в рамках антидемократического и гегемонистского образования с жесткой антидемократической идеологией и практикой иттихадистов. Несмотря на признание преимущества, государственный капитализм и развитие индустриализма имели ограниченный характер. Современный капитализм, называемый «современной западной цивилизацией», осуществлял свою гегемонию только под крышей авторитарного режима с однопартийной системой. Проблема демократизации предельно обострилась, и в связи с восхождением США, ставших новой гегемонистской силой системы после Второй мировой войны, в Турции буквально произошел политический взрыв, связанный с выходом в 1945-50 гг. на политическую арену Демократической партии (ДП). Те, кто присоединился к системе вместе с ДП, принадлежали к исламистской знати. Явление, называемое «отставанием в рамках лаицизма», стало, в сущности, уменьшением доли бюрократической буржуазии в государственном капитале. Борьба за выгоду проходила через идеологию лаицизма. Подавленные в недавнем прошлом левые партии тоже активизируются. Гораздо слабее было курдское движение. Три демократических организации, задушенные иттихадистским фашизмом, поочередно пытались возродиться, но тем временем Турецкая Республика, ставшая с подачи США членом НАТО, уже выходит из-под крыла Англии под крыло США. Защиту интересов Турции США осуществляли при помощи организации «Гладио». В период 1950-2007 гг. все военно-политические структуры функционировали под контролем «Гладио». С точки зрения демократической проблемы очень важно осознать то, что весь процесс, за исключением периода 1920-22 гг. прошедшего под эгидой яacobизма, находился под контролем современного капитализма. Независимость, являясь мелкобуржуазной утопией, не отражает действительности. В рамках системы, создавшей мировую гегемонию современного капитализма, ни одна страна, ни одно государство не могут быть по-настоящему независимыми. Турецкая Республика, в силу специфики Анатолии, стало самым зависимым государством системы.

Организация «Гладио», утратившая свое значение по окончании холодной войны, из-за деятельности РПК в Турции продолжала быть эффективной вплоть до 2007 года. «Гладио»,

осуществляющая свою деятельность в Турции под различными названиями и в структуре НАТО, не признает никаких шансов для демократии даже в буржуазном понимании. В период 1925-1990 гг. вплоть до распада СССР, Турецкая Республика играла антисоветскую роль, а после 90-х гг. ее уже хотели использовать в качестве модели модернизации исламской традиции. В стремлении использовать Турецкую Республику именно в такой позиции огромную роль сыграла структура, осуществляющая подрывную деятельность в рамках самого государства. Использование друг против друга разнообразных клик создает почву для этой деятельности. Бандитские войны внутри государства усугубили общественные проблемы намного сильнее, нежели принято считать. Считая любую возможность демократического движения концом собственного существования, режим безжалостно подавляет даже малейшие проявления демократической активности.

Вклад Турецкой Республики в западную цивилизацию ограничивается лептой, внесенной Турцией в дело безопасности Запада, а также предоставлением для ее экономики рынка и дешевой рабочей силы. Борьба Турецкой Республики против РПК не только раскрыла эту политику системы, но и подчеркнула то, что противоречия РПК касаются только системы. Тогда стало ясно, что нет такой цели, как разделение между курдами и турками. Настоящая демократическая борьба в Турции впервые продемонстрировала то, какой радикальный характер приняли обнаружившиеся реалии господствующей системы. Очень серьезное значение имеет осознание того факта, что борьба РПК была направлена не против республики, а против связанной с ней антидемократической структуры. Поиски выхода из тупика национального государства свидетельствует о выступлении против самой этой модели, то есть о настоящей демократизации. Это означает, что крайне усугубившаяся проблема демократии уже стала на путь урегулирования, что говорит в пользу кардинальных демократических преобразований.

Резюмируя, можно подчеркнуть следующее: усилия, связанные с решением вопроса огузских племен, растущих, начиная с XI века, ориентируясь на исламскую культуру, свидетельствуют о возникновении проблем демократизации современной Турции. Если высшая иерархия племен интегрировалась в государство, стараясь решить свои проблемы, то низшие, неимущие слои, получившие название «туркмены», распространяясь на Ближнем и Среднем Востоке, осуществляли примитивную жизнедеятельность в форме природной демократии. Этнические особенности родоплеменной знати растворялись в культуре арабов и персов, но туркменские племена хранят свои этнические особенности и по сей день. Если родоплеменная аристократия занимала руководящие и командные посты в структуре центральной цивилизации, то туркмены, сохранив, как правило, старый кочевой образ жизни, вместе с тем, приобщились и к полуседлости. В большинстве своем они слились с оседлыми народами. Если режим, будь то в период правления сельджуков и атабеков или османцев, развивался в форме общей цивилизации феодальной аристократии, то народы продолжили природный характер своей жизнедеятельности в тесной сопряженности друг с другом.

Предки современных турок и курдов, несмотря на существовавшие между ними некоторые противоречия, осознавали жизненно важную роль, которую играет необходимость стратегического союза. Еще в XI веке двери Анатолии раскрылись перед огузскими племенами; известно также, что оба народа действовали в стратегическом союзе против армии крестоносцев. Политические связи, оказавшиеся выше мировоззрения тюркских и курдских княжеств, действовали не только против Византийской империи и не ограничивались борьбой против крестоносцев, но были эффективны в борьбе против арабских, персидских султанатов, шахов и эмиров. Эта истина подтверждается еще и тем, что провинция Курдистан впервые была сформирована в период правления Сельджукидов. Эти взаимоотношения, четко выраженные в

период правления курдской династии Эйюбидов, продолжились и в периоды правления династий Артукидов, Каракоюнлу и Аккоюнлу. Проблемы, с которыми столкнулась Османская империя во время своей экспансии в Иран, на Аравийский полуостров и Кавказ, были решены в результате длительных дипломатических усилий Идрис-и Битлиси, увенчавшихся союзом с курдскими княжествами. Империя стала вдвое больше. Стратегический союз в этот период был более очевиден. Основной стержень империи в этническом плане составляли турки и курды. Путем естественной ассимиляции у обоих обществ сформировалось много схожего, появилось много общих культурных признаков. Увеличилось число туркмен курдского происхождения и курдов туркменского происхождения.

Европейская цивилизация, которая в начале XIX века усилиями Наполеона достигла стратегических высот, стала проникать в культуру Ближнего и Среднего Востока. Более того, последовательно растущая агрессия и колониализм буквально сотрясли существующий баланс сил и способствовали глубоким изменениям. Уклад жизни современного капитализма и культура, рано развившиеся среди христианских народов, спровоцировали национально-государственные тенденции. Свойственный XIX-XX вв. национально-государственный элемент буквально раздробил формировавшуюся тысячелетиями монолитную культуру Ближнего и Среднего Востока, способствовал глубокому хаосу, кризису и столкновениям. Османская империя была раздроблена и распалась вследствие реализации национально-государственного проекта современной западной действительности. Общество «Единение и прогресс», обратившееся к экстремизму во имя создания параллельного государства в государстве, в 1906 году перешло на позиции терроризма, что усугубило кризис государства. Для того, чтобы остановить национально-государственные тенденции современности, они обратились к наиболее реакционному, шовинистическому и фашистскому национализму. Определяющей причиной распада империи, болезненного становления республиканского строя, его антидемократического развития и торможения является течение тюркизма, сформированное людьми, в большинстве своем не принадлежавшими к тюркскому этносу. Они сыграли такую же роль в раздроблении и торможении прогресса республики, как и конкурирующие национальные государства.

Реализация в рамках якобинской революции 1919-1922 гг. (с одной стороны, против возрастающих иноземных агрессий, с другой стороны, против султанских приспешников) всех понятий, теорий и структур III Французской республики, выбранной Мустафой Кемалем в качестве модели, смогло, пусть и в ограниченной форме, стать урегулированием кризиса государства. Турецкая Республика была провозглашена на руинах империи, разбившейся и распавшейся вследствие кризиса, которому способствовал, углубив его, экстремизм иттихадистов. Проблему государства удалось частично решить, но общественные проблемы еще больше обострились. Проект республиканского строя стал проектом приобщения к современности. Его старались претворить в жизнь посредством гегемонистских сил Запада, получив соответствующее разрешение Лозаннской конференции. Якобинская революция 1920-1922 гг. могла бы не ограничиваться урегулированием государственного кризиса с помощью провозглашения республики. Если бы светские турецкие националисты, социалисты, члены исламской общины и представители курдского общества, состоявшие в союзе, не были выдворены за рамки системы путем заговоров и провокаций, суть которых не выявлена до сих пор, республика могла бы совершенно спокойно совершить эволюционный путь в направлении демократии. Какой бы ни была победа, но она была достигнута под эгидой союза этих сил. Для правильного решения очень важно не связывать это отчуждение, осуществленное при помощи заговоров и провокаций, с личностью Мустафы Кемала, поскольку против самого Мустафы Кемала тоже предпринимались серьезные заговоры, покушения и провокации. Определенная доля в этом принадлежит

функционерам иттихадистов, буквально взявших Мустафу Кемалья в кольцо. Народная Республиканская партия сменила свое название, но, в сущности, она является новой формой партии «Единение и прогресс». Мустафа Кемаль посредством Свободного Единства(1930) попробовал сломать монополию НРП, но это ему не удалось. Судя по уставу и программе НРП после 1935 года, в качестве модели она фактически избрала идеологию фашистской партии Италии, что вызывало открытую реакцию Ататюрка.

Надо особо подчеркнуть следующее: после 1926 года преобладало не личное влияние Ататюрка, а последовательная узурпация власти в республике со стороны функционеров-иттихадистов, опыт структуризации мышления на базе национально-государственной идеологии в направлении фашизма. Все конкретные усилия Ататюрка, направленные на отделение армии от политики и создание правового государства, ликвидацию племенной базы, ограничение политики зависимости от внешних сил и освободительной политики, были сведены на нет посредством политики заговоров и привилегий, осуществляемых теми, кто его окружал, и в настоящее время эту политику стараются осуществлять путем переворотов. Речь идет о том, что осуществлявшаяся иттихадистами политика дворцовых переворотов и заговоров лишила государство его функциональных государственных признаков, узурпировала его и установила деспотическую власть над обществом. Как противовес этому была предпринята серьезная борьба для того, чтобы оставить государство в рамках его дееспособности. Строительство республики Мустафой Кемалем идет в первых рядах этих усилий.

Эти два типа понимания, взаимно сталкивающиеся в процессе восприятия западного модернизма, не только постоянно держат государство в состоянии кризиса, но и ставят общество лицом к лицу с тяжелыми проблемами, препятствуют претворению в жизнь глубинных процессов демократизации. Республика была обречена на перевороты, уступки и участь быть орудием олигархических монополий, она так и не смогла стать по-настоящему светским, социальным и демократическим правовым государством. Основная причина этого, конечно же, заключается в ликвидации общественного демократического согласия, созданного в начале 20-х годов, а также в гегемонистских усилиях, которые прилагают олигархические монополии, подстрекающие к переворотам и требующие уступок. Борьба, разворачивающаяся в рамках государства, не связана с правом, социальными вопросами, светскими и демократическими принципами: она преследует цель захвата власти.

В истории республики этот процесс следует разделить на три периода. Первый период, охватывающий 1926-1950 гг. может быть охарактеризован как однопартийная, авторитарная бюрократическая олигархия. Вторым периодом, охватывающим 1950-1980 гг. — это период жесткой борьбы и переворотов, которые с целью перераспределения государственной власти устраивали землевладельцы, торговая буржуазия и промышленники-импортеры, не желающие иметь ничего общего с бюрократической олигархией. Третий период, охватывающий 1980-2010 гг. включает в себя процесс достижения определенности — прямое вмешательство мирового финансового капитала в механизм государственной власти. Общая особенность, характерная для всех трех периодов, заключается в том, что они изобиловали жесткими, олигархическими методами управления, которое внедряли развивающееся государство и монополии частного капитала. Более того, эти периоды прошли в спорах и противоречиях партий и синдикатов, стремящихся узурпировать государственную власть. В 1925-1945 гг. этот процесс, контролируемый извне гегемонистской силой, в основном прошел под властью Британской империи, а в 1945-2010 гг. — под властью США. Начиная с 50-х гг. прошлого столетия процесс контролировали частично ЕС, МВФ и Всемирный банк. Основное управление осуществляла натовская организация «Гладио».

Силы, являвшиеся главными союзниками республики на заре ее создания, остались на позициях сопротивления гегемонии, применяемой против них. Несмотря на то, что на протяжении всех трех периодов они были оторваны друг от друга и рассеяны, мы видим сопротивление этих сил, или их усилия, направленные на единение с системой. Советский Союз и входившие в сферу его влияния социалисты и коммунисты оказались первыми, против которых были направлены перевороты, кого подавляли и кого приносили в жертву гегемонистские силы. Процесс уничтожения, начавшийся с убийства Мустафы Супхи, продолжился акцией запрета Коммунистической партии в 1927 году, затем углубился во время ареста Хикмет Кивилжимли и Назыма Хикмета. Репрессии и запреты, продолженные во второй половине прошлого столетия, протекали в гораздо более жесткой форме и воспринимались как материал для вступления в НАТО. Социалисты, получившие шанс после бюрократического переворота 27 мая 1960 года, несмотря на желание обрести себя и озвучить свои демократические шаги, повторно были подавлены переворотом 12 марта 1971 года. Несмотря на то, что они старались продолжить свою повстанческую деятельность до 80-х гг. переворот 1980 года окончательно сломил их, и по сей день они не могут прийти в себя. Сегодня они рассеяны, безответственны и очень слабы, поскольку не добились объединения и самоорганизации в рамках большинства, чтобы выступить в качестве радикальной демократической силы. Их задача — активизировать и демократизировать деятельность в соответствии со своим потенциалом.

Члены исламской общины отметили свой статус обреченности на аналогичные перевороты, запреты и ссылки нечастыми восстаниями, но, тем не менее, здесь можно отметить постепенное накопление внутренней реакции. Попыткой модернизации ислама стали волнения интеллигенции, имевшие место в период 1923-50 гг. в лице Мехмета Акифа, Саид-и Нурси и Неджиба Фазыла. Они были своего рода предводителями мусульманского братства и исламского сопротивления, получившего новое истолкование. В период 1950-1980 гг. разрыв отношения с господствующими гегемонистскими силами как внутри страны, так и за рубежом, они стали сообщниками государственной власти, и таким образом был начат путь формирования финансовой монополии с помощью частного капитала. Движение Эрбакана было типичным исламским движением своего времени. Он выражал ностальгию и интересы, касающиеся представления многих существующих во власти течений. Движение под предводительством Саид-и Нурси, продолжившееся как Нурджулар, уже стало тайным и функционировало в виде нескольких течений. За спиной, на втором историческом плане стояло движение накшбенди, возникшее в XIX столетии. Несмотря на создание в собственном кругу ограниченной демократической системы, эта организация так и не смогла продемонстрировать четкие и систематические демократические позиции. Хотя в лице Тургута Озала в период 1980-2010 гг. они обрели определенное покровительство, в процессе становления власти и формирования капитала нурсисты или последователи ордена накшбенди находились под постоянной угрозой бюрократической олигархии. В частности, взаимоотношения, установленные с США, ЕС, МВФ, Всемирным банком и некоторыми арабскими финансовыми кругами, сделали их сообщниками системы, и после ограниченного срока пребывания Неджметтина Эрбакана на посту премьер-министра, уже в начале 2000-х гг. в период премьерства Р.Т. Эрдогана эта связь обрела более прочный характер.

Эти силы оказались лицом к лицу с трудной проблемой демократизации, постоянно ощущая угрозу со стороны бюрократической олигархии. Эту угрозу они могли бы преодолеть или путем полной демократизации, или же, если бы этот путь не удался, им пришлось бы потерять свое действующие позиции, пережив удары и раздробление, схожие с теми, что пережили левые силы. Собственно говоря, осуждение «Эргенекона» отображает эти реалии.

В наиболее критическом и даже трагическом положении под натиском олигархической бюрократии оказались курды, которые, кстати, были союзниками турок при зарождении республики. Несмотря на то, что курды действительно участвовали в создании республики и войне за независимость были основной силой, ситуация, в которую был поставлен курдский народ, характеризуется многочисленными заговорами, провокациями и репрессиями. Политику, аналогичную той, что ранее использовалась против греков и армян Анатолии, в 1925-1950 гг. власти применяли в отношении курдов, преследуя цель полного очищения региона от них. В данном случае совершенно очевидно, что повстанческий период 1925-1938 гг. связан именно с этой политикой. Роль Британской империи в этой ситуации была аналогична той роли, которую она сыграла при ликвидации армян, греков и ассирийцев. Взаимоотношения, установившиеся между турецкими властями и Британской империей, имели определяющее значение в том, что республика рано стала превращаться в авторитарный режим и оказалась привязанной к современному капитализму. Возникновение яростных стычек между деятелями, находившимися под контролем Мустафы Кемалю и Исмета Инёню, сыграло значительную роль в сползании республики вправо, на антидемократические позиции. Можно сказать, в ответ на независимые позиции Мустафы Кемалю, дружившего с Советским Союзом, сторона его оппонентов стала поддерживать многосторонние связи с Британской империей.

После восстания на курдскую проблему смотрели как на нечто законченное. Даже малейшее движение в стане курдов воспринималось властями чуть ли не как воскрешение покойника и немедленно подавлялось. Период 1950-1980 гг. прошел под эгидой утверждения собственного существования, что было самой серьезной проблемой курдов. Все споры и восстания развивались вокруг вопроса: «Есть ли курды, или их нет?». Именно РПК как таковая стала в лице оппозиции главной действующей силой покончившей с этими обсуждениями и начавшая период освобождения 1980-2010 гг. Переворот 12 сентября 1980 года предельно осложнил проблему демократизации; в масштабе всего мира происходило нарушение прав человека, и в этот период государственный бандитизм перешел на господствующие позиции. Период завершился тем, что США перестали поддерживать организацию «Эргекон», заново позиционировавшую себя как турецкий «Гладио». Соглашение, достигнутое между США и Турецкой Республикой в ноябре 2007 года, предусматривало ликвидацию турецкого «Гладио» в ответ на ликвидацию РПК, осуждение мятежных элементов и интеграцию оставшихся элементов в организованные, подконтрольные государству структуры. В этой ситуации имел место очень серьезный спор о демократизации в истории республиканского режима и прилагались самые значительные усилия, направленные на ее превращение в демократическую конституционную республику.

Выход из этого наиболее тяжелого в истории республики кризиса, продолжающегося по сей день как в государстве, так и в обществе, будет определен действиями существующих сил. Демократические и конституционные поиски являются и причиной и следствием данного кризиса. Точнее, оба эти фактора находятся в состоянии взаимно порождающего активного динамизма. Курдская проблема в данной ситуации опять же является самым важным. По сути, эти реалии связаны с глубочайшим в истории принципом, и невозможность силового подавления общественных проблем проявит себя активнее, чем когда-либо ранее. С этой точки зрения период 1920-1925 гг. стал самым интересным за всю историю. Имел место некий поворот, но все союзники-учредители на этот раз были задействованы, казалось, не для того, чтобы их вновь задавили, а для построения демократической республики, которая в свое время так и не была построена. Тонкая линия, начерченная между историей и современностью, и ее истолкование в качестве поворота дают возможность и шанс лучше осознать эту истину и сыграть свою историческую роль.

Б. ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ

Между всеми общественными сторонами сформировался консенсус относительно демократизации Турции. Единственное, чего нет, — это превращения вожденной исторической мечты в волеизъявление, которое поможет реализовать ее. Демократическая конституция является истиной, сущностью этих реалий. Во второй части данного труда, в частности, в том ее разделе, где говорится о принципах, будет раскрыт вопрос о том, какая демократическая конституция может удовлетворить исторические демократические требования. Эти принципы, основанные на научных понятиях и теориях, могут быть повторно выражены в целях реорганизации республики с целью выхода из кризиса и демократической конституции.

1. Демократическая нация. Определение демократической нации, состоящей не только из представителей всех культур, этносов и религий (исходя из мировоззрений об открытой для перемен и гибкой личности), индивидуальностей, справедливо делящих основные права и свободы. Речь идет о демократической нации, основанной на принципе неделимости коллективных и индивидуальных прав, полностью соответствующей понятию общей Родины.

2. Общая Родина (Демократическая Родина). Это определение должно быть представлено как пространство, где, без отчуждения либо разделения на этнические и религиозные группы, экологическое, экономическое и демократическое общество, на правах справедливого гражданского сосуществования живут вместе со свободными личностями. Это определение основано на богатстве, которое по смыслу самостоятельно означает самое содержательное единство.

3. Демократическая республика. Выражает необходимость базирования на демократическом обществе, что определяющим образом реализует светский, правовой и социальный характер государства. Идеальной государственной формой общества, где действует демократия, является республика. В рамках такой республики итогом становится светский, социальный и правовой характер.

4. Демократическое урегулирование. В основе демократического урегулирования лежит мирное сосуществование республиканских структур с институтами демократического общества. В рамках этого понятия монополии национального государства, капитализма и индустриализма вынуждены принять принцип мирного сосуществования на базе консенсуса, заключенного демократическими конфедеративными, экономическими и экологическими общественными институтами. Откровенно говоря, отвергается понятие государства без демократии, но и не навязывается демократия без государства.

5. Неразделимость индивидуальных и коллективных прав. Общества являются настолько коллективными, настолько же и индивидуальными субстанциями. Отделение этих двух признаков друг от друга — это либеральные глупости, преследующие цель эксплуатации и гнета. Предотвратить подобные игры можно только в том случае, если воспринимать коллективные и индивидуальные права как неделимые части единого целого.

6. Идеологическая независимость и свобода. Без разрушения идеологической гегемонии классовой цивилизации, в целом, и современного капитализма, в частности, решение проблем демократизации окажется недостаточным и ущербным. В частности, при помощи европейского позитивизма будет очень трудно решить на принципах свободы вопрос культуры Востока, Ближнего и Среднего Востока, подведя их под демократическую базу. Такие решения могут

принять только те, кто способен свободно осознать, теоретически и концептуально обосновать свою социальную природу и историю.

7. Историчность и современность. Насколько современность обусловлена историей, настолько же история обусловлена современностью. Разница между ними дает возможность вмешательства в современную жизнь, следовательно, шанс на освобождение. Как не может существовать история без сегодняшнего дня, так не существует и сегодняшнего дня без истории. Усилия современности, направленные на лишение общества его истории, — это ничто иное, как война, целью которой является насаждение гнета и эксплуатации над обществом путем лишения его памяти, нравственности и политики. Такой путь должен быть отклонен всеми.

8. Нравственность и совесть. Для решения общественных проблем и обеспечения демократизации экономические и политические подходы сами по себе являются недостаточными. Общество как субстанция на протяжении всей своей истории живет в тесной связи с нравственностью и совестью. Война, начатая современным капитализмом против общественной нравственности и совести, преследует цель узаконения гнета и эксплуатации, а экономические и политические решения, вытекающие из этого подхода, в сущности, попросту невозможно применить. Помимо этого, они усугубляют общественные проблемы и нейтрализуют все усилия, связанные с демократизацией. Для демократического решения проблем необходимо обратиться к принципу нравственности и совести, в которых нет места принципу применения силы.

9. Самозащита демократии. То, что все существа, не только живые, но и те, которые принято считать неодушевленными, всегда и везде живут в рамках системы самозащиты, является научно доказанным фактом. Следовательно, неотъемлемой особенностью свободной и равноправной жизни демократических обществ, институтов и индивидуумов является приверженность к системе самообороны против элементов современного капитализма (национальное государство, капитализм и индустриализм).

Я уверен, что на пути к демократизации Турции и урегулированию курдской проблемы достаточно просветительский и конструктивный характер могут иметь эти краткие исторические оценки и принципы, суть которых я попытался применить к понятию демократической конституционной республики. На этой основе можно будет решить курдскую проблему, легко установив ее в гнездо демократического единства Турции и представив удобные модели урегулирования или альтернативные модели.

Часть IV.

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Возможно, первая социальная проблема, имевшая место в истории классовой цивилизации, связана с предками курдского народа. Такие понятия, как куртии, хурриты, гутии, арии, с которыми мы сталкиваемся на этапе восхождения шумерской цивилизации, ассоциируются с одним и тем же корнем. Эти понятия означают «горцы», «горные народы», как известно, эти названия сегодня чаще всего используются применительно к современным курдам. Шумерская цивилизация развилась как антитезис неолитического общества. Иными словами, она выражает подъем Нижней Месопотамии, альтернативный тому прогрессу, который имел место в горно-холмистых районах равнины в междуречье Тигра и Евфрата в Верхней Месопотамии. Проблемы неолитического общества связаны именно с этим подъемом. Утверждения о тождественности неолитического общества и современного курдского этноса, конечно же, не могут считаться научно обоснованными. Но сходные черты между поныне действующим наследием неолита и обществом, существовавшим 10 тысячелетий назад, отнюдь не случайны. Общественная история свидетельствует о том, что между ними существует тесная связь. Она также свидетельствует о более сильном сходстве между археологическими и этимологическими данными. Очень сильна вероятность того, что общество, проживавшее в подножьях Тавро-Загросской горной гряды, было прото-курдским.

Период между 5000 гг. до н.э. и распространением ислама считается эпохой Древнего мира. Известно, что в обществе того периода наблюдалось активное становление первых фундаментальных структур и понятий, связанных с цивилизацией. В первую очередь, это иерархия, династии, государство, город, классы, торговля, ремесла, семья, женщина, рабство, религия, письменность, наука, литература, скульптура, архитектура и промышленность. Такого рода процессы повлекли за собой активный рост общественных проблем. Древние курды оказались в эпицентре этих проблем. Основные пути, которые они смогли найти для решения вопросов — это концентрация поселений на возвышенностях для того, чтобы можно было заниматься земледелием и животноводством, а также защититься от врагов. Эти два фактора и сегодня являются основными жизненными факторами для курдского народа. Если господствующая иерархия прото-курдов, растворяясь в государственных цивилизациях, решала свои классово-социальные проблемы, оставляя трудящиеся массы в виде нескончаемых родоплеменных структур, ведя полукочевой образ жизни, занимаясь земледелием и животноводством между горными и равнинными районами, где люди прилагали все усилия для того, чтобы выжить в борьбе за существование. Горные кочевья и земледелие в основном были курдскими (исключения в данном случае не опровергают правила). Ремеслами и торговлей в городах занимались предки современных армян и ассирийцев. Казалось, существовало естественное разделение труда. Автохтонные народы междуречья Тигра и Евфрата были связаны друг с другом при помощи подобной диалектики жизни.

Первое значительное разделение эти народы пережили с возникновением христианства. Еще раньше Иегова — наиболее фундаментальное божество, созданное Авраамом — представляло собой гораздо более глубокий раздел. Ни в коем случае нельзя забывать и то, что общественные

проблемы, зародившиеся в недрах цивилизации, выражались в форме новых богов и религий. Чем более взаимоисключающими оказывались сформировавшиеся понятия о религии и боге, тем глубже и противоречивее были социальные проблемы. Зороастризм в предгорьях Загроса стал выражением величия, то есть божественной природы земледелия и скотоводства, а божества Шумера, Вавилона, Аккада и Ассирии отражали идеи города, торговли, государства и династии. Об этом говорится открыто. Формирование христианства как первой религии неимущих и забытых слоев населения, опять же, выражает стремление найти пути решения социальных проблем при помощи новой религии и языка бога. Если иудаизм зародился как вера племени, то христианство отделилось от него как вера народа. Это стало первым большим шагом на пути к общине, экуменизму. Если мусульманство на заре своего возникновения основывалось на народе и общине, то в эпоху султаната оно стало строить собственное господство в качестве религии цивилизации господствующего класса и государства.

Курды Средневековья с VII века, когда появился ислам, до XIX века, когда современный капитализм проник на территорию Ближнего и Среднего Востока, продолжали жить согласно наследию ранней эпохи. Формирующийся высший слой, духовные лидеры, беки, вожди племен, шейхи сливались воедино с господствующей цивилизацией (неважно, арабской, персидской или тюркской), и тогда происходила утеря ими курдского самосознания. В их интересы не входило доведение курдской идентичности до государственного уровня. Интересы толкали их на ассимиляцию в рядах арабов, персов или тюрков. Социальные проблемы курдов усугубились именно таким образом. Ситуация усложнялась и с точки зрения положения угнетенных масс, и с точки зрения предательства своей культуры.

Разве могли проблемы курдов в эпоху Средневековья решиться становлением собственной государственности? Такое мнение существовало в эпоху социализма. Тогда считалось, что проблемы всех наций и народностей могут разом решиться после того, как они создадут свои государства. Но после того, как социализм был отождествлен с пролетарским государством, этому уже стоило удивляться. Мы жалели о том, что у нас так и не было своего государства, хотя теория демократической цивилизации подтверждает то, что государственность и есть источник самых серьезных бед. Нет такого понятия, как государство арабов, персов или тюрков. Все это — измышления, порожденные национальным государством в течение последнего столетия! У ислама было общее государство. Порой имели место стычки интересов, но господствующие прослойки всех народов составляли единое целое. Помимо этого, в исламе было понятие народа, общины. Но их мир разделился — это было миром постепенно углубляющихся проблем. Таким образом, существовали два основных полюса. Были решения, но не меньше было и проблем. Все постановления принимались от имени религии и Бога, и проблемы всегда решались именно в этом ключе. Несмотря на существование таких культур, как курдская, арабская, тюркская, персидская, разногласия старались решить путем их включения в орбиту единой конфессии. Ни государства Эмевидов и Аббасидов не были чисто арабскими, ни государства сельджуков и османов — чисто тюркскими. Персидская традиция государственности тоже не носила династического характера. Создавая государство, высшие слои этносов и народностей утрачивали свое национальное самосознание, при этом бросая в пучину социальных проблем всех своих остальных сородичей. Брошенными в пучину социальных проблем оказались курды, армяне, ассирийцы, греки, туркмены, бедуины и не имевшие государственности персы.

Когда современный капитализм при помощи таких элементов, как национальное государство, капитализм и постиндустриализация, проник на Ближний и Средний Восток, это отозвалось погребальным звоном для угнетенных, задавленных и эксплуатируемых культурных

идентичностей и народов, раздробленных и ограбленных в Средние века. Эти народы, давно уже ставшие жертвами предательства своих же высших слоев, стали полем охоты для современного капитализма. В начале XIX века их столкнули друг с другом во имя создания национальных государств. Вместе с тем, их использовали как рабочую силу на рабочих местах капитализма и постиндустриальной эпохи, которые ради своей прибыли не останавливались ни перед какими препятствиями. Положение этих народов было хуже, чем положение рабочего скота. Их буквально превратили в источники прибыли, капитала. Отчуждение от идентичности происходило в три этапа: эпоха Древнего мира, Средние века и Новое время.

Как это и было свойственно природе национализма, насаждаемого в каждой культуре, курды тоже получили свою долю этих бедствий, причем в тяжелой форме. Их национально-государственные устремления успехом не увенчались. Высшие слои в стиле, подобаемом полученному ими наследию, занимали свои места в иерархии соседних национальных государств и считали нормальным предательство, совершенное ими по отношению к традиционным народным культурам. В самом монархическом духе, превосходящем роялизм любого короля, они считали, что стали арабами, персами или турками, даже соревновались в этом. Чем больше совершалось предательства по отношению к культурным ценностям и идентичности народа, тем больше было прибыли, интересов и денег. Курды были убеждены, что, оставшись в рамках двух священных особенностей, на протяжении тысячелетий свойственных древним курдам, то есть, спрятавшись за земельными угодьями и стадами своих животных, а также в горах, они смогут защитить собственное существование и спастись от смерти.

А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ТУРЕЦКО-КУРДСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Более детальная и конкретная оценка взаимоотношений и противоречий в рамках турецко-курдской дилеммы в русле этих общих пояснений прольет свет на проблематичность и повысит возможности их урегулирования. В безжалостной пучине насилия ни сами проблемы, ни пути их решения не могут быть достаточно осознаны. Если пояснения и осознания близки к истине, то половина решения уже найдена. Оставшаяся половиной будет уверенными шагами пройти на раскрывшемся пути.

Когда сельджукские племена, ведомые их вождями, дошли до границ Курдистана (с большой долей вероятности можно предполагать, что термин «Курдистан» был введен в оборот сельджукскими султанами, приобщившимися к курдской культуре), они под знаком исламского братства предложили общую войну против Византии. Курды, в подавляющем большинстве своем принявшие ислам, испытывали серьезные трудности с Византией, поэтому они оказали свою поддержку стратегии совместной войны. В мае 1071 года султан Алп Арслан искал союза с курдскими беками и племенами в Маяфаркине (современный Силван), который считался столицей курдов. Союз был достигнут, курдские силы, предположительно, составили половину общего войска, и в августе 1071 года была завоевана победа, ставшая поворотным пунктом в истории. До тех пор, пока роль курдских беков и племен в этом сражении не получит свою объективную оценку, не могут быть достаточно точно освещены взаимоотношения между курдскими и тюркскими вождями и племенами. Манцикертская победа носила стратегический характер. Она полностью раскрыла ворота Анатолии перед тюркскими племенами и их вождями. Что касается курдских племен и вождей, то окончательно была нейтрализована угроза со стороны Византии и ее возможные последствия. Очень важно было то, что взаимоотношения, сыгравшие основную роль в определении будущего, развивались именно таким путем.

Позднее, когда тюркские племена и вожди сконцентрировались в районах Внутренней Анатолии, Западного Средиземноморья и Черноморского побережья, курдские племена и вожди тоже не останавливались в развитии своих сил и поселений. Тюркские племена и вожди никогда не осмеливались захватить и присвоить места расселения курдов и их культурные достояния. Существовавший между ними стратегический союз, солидарность и общая культура жизнедеятельности требовали этого. В это же время, преимущественно в городах, армянский и ассирийский народы мирно сосуществовали в дружественной обстановке. У них были конфессиональные проблемы с византийцами. Уход Византии из этого региона не повредил им.

В тот же период на территории Курдистана, хоть и возникли тюркские княжества Артукидов, Каракоюнлу и Аккоюнлу, но они просуществовали недолго и во многом, ассимилировавшись, растворились в курдской культуре. Следы этих исторических реалий видны и сегодня. Курды же в исламский период своей истории продолжали свою социальную жизнедеятельность со всеми ее сложными проблемами в форме удельных княжеств и родоплеменных структур. У них развивались признаки нации. Но если высшие слои курдского общества, так же, как у тюркских племен, предельно развивали свои позиции, будучи на службе у различных цивилизаций, то низшие слои отделились, позиционируясь под названием «курмандж». В курдской среде в тот период ускорилась дифференциация, аналогичная дилемме арабы-бедуины и турки-туркмены. В период Османского султаната (примерно в начале XVI века), между тюркскими и курдскими племенами и вождями, предположительно, существовало взаимное уважение к правам друг друга, была выработана общая стратегия действий перед лицом внешних угроз, и действовали они в соответствии с этой линией. Положительные отношения преобладали над отрицательной стороной противоречий. Между тюрками и курдами в этот период не наблюдалось никаких постоянных противоречий и столкновений.

Второй важный стратегический этап курдско-турецких отношений начался с экспансии Османской империи на Ближний и Средний Восток. Возрастание напряженности, существовавшей между Сефевидской династией, которая в начале XVI века набирала в Иране силы на базе шиитской конфессии, и курдскими княжествами, серьезно углубилось по причине межконфессиональных разногласий, что последовательно оказывали влияние на ситуацию во всей Анатолии. Аналогичные противоречия возникали и с мамлюкскими правителями, происходившими из Египта. Влияние мамлюков росло на всем побережье Средиземного моря и на юго-востоке. Положение курдских княжеств играло стратегическую роль. Кого бы они поддерживали, тот и становился господствующей силой Ближнего и Среднего Востока. Стратегический союз, который осуществил османский султан Явуз Селим между двумя почти равными силами, не преминул дать свои исторические результаты. Данный союз дал курдским княжествам широкую автономию и право создать свое правительство. Более того, этот союз давал шансы на создание тюркско-курдской империи, аналогичной Австро-Венгерской империи. Всякий, кто внимательно изучает историю, может распознать стратегический характер Анатолийско-Месопотамского сотрудничества в поисках первой хетто-хурритско-миттанийской цивилизации. Гораздо раньше, в начале 2000 гг. до н.э. действовать по отдельности они просто не могли. Экономические и политические связи очень быстро сливались друг с другом. Этот исторический факт заново подтвердился в эпоху величественного Османского столетия.

Новый статус способствовал усилению роли курдской знати суннитского толка в рамках империи, а положение курдов-алевитов и курдов-езидов, как и проблемы курдов-курманджи, напротив, усугублялось. Классовые и межконфессиональные противоречия продолжали расти. Этот статус сотрудничества, продлившийся примерно три столетия, стал нарушаться в начале XIX века, когда

современный капитализм уже проникал на Ближний и Средний Восток. Британская империя, распространявшая свое влияние в регионе через Ирак и Египет, стремилась развить идеологию национализма с центром в Сулейманийе. Первый мятеж был поднят лидерами племени бабан в районе Сулейманийе. Этот процесс, продлившийся с различной интенсивностью примерно двести лет, продолжается и сегодня в виде практики половинчатой модели национального государства в Южном Курдистане. Курдские восстания XIX века в силу своего классового характера были национальным движением эпохи раннего капитализма. Несмотря на то, что все нации, проживавшие в границах империи, стали дифференцироваться на базе модели национального государства, то, что курды не отделились от турок, как уже говорилось, имело свои исторические причины. Речь идет о государственном мышлении, обусловленном сотрудничеством высших слоев двух наций, составлявших государственный стержень империи. Стратегические причины подчеркивали необходимость совместных действий двух цивилизаций, усиливавшихся в своих сферах со времен зарождения государства. В противном случае под угрозой могли оказаться и интересы, и сам факт существования обществ, находящихся в обеих сферах. Любые политические и экономические образования, возникающие на исторической арене, являются выражением неопределимой роли совместного существования.

Попытки сельджуков и османов создать тюркскую империю еще раз подтверждают эту историческую диалектику. Сотрудничество между удельным беком и султаном со временем превратилось во взаимоотношения между шейхом, хозяином и купцом. Правление султана Махмуда II (1808-1839 гг.) привело к дальнейшему ухудшению этих отношений. Разрушительное влияние капитализма, усугубив противоречия между обеими сторонами, превратило XIX век в столетие мятежей и восстаний. Отсутствие каких-либо результатов восстаний и попытки реставрации Османской империи на базе модели национального государства окончательно нарушили традиционный характер отношений между двумя нациями. Этот разрыв увеличился, когда молодые османы, младотурки и наиболее националистическая часть общества в виде организации «Единение и прогресс» (1889), сначала в завуалированной форме, затем уже открыто стали защищать тюркскую модель национального государства. В ответ на это стал проявляться и курдский национализм. В современном смысле курдская проблема встречается уже в этот период. Переход иттихадистов к экстремизму и открытая ориентация на турецкий национализм вместо исламского национализма еще больше усугубили проблему. Сформировались две прослойки: этнический турецкий национализм и исламский национализм. Курды постарались продемонстрировать свою преданность традиционному исламскому национализму. Шейхи ордена накшбенди, Мевлана Халит и Саид-и Нурси играли главную роль в развитии этой тенденции. Они упорно считали, что империя и последующее государственное образование имеют единый характер. Исламская, общинная идеология была модернизирована и поставлена на службу этой цели. Шейхи и секты, чей авторитет и лидирующие роли в обществе возросли после периода «беков» (1878 г.), пронесли эту линию до наших дней.

Что касается общества «Единение и прогресс», то оно, в частности, после поражения в Балканской войне (1912-13 гг.), сделало, несмотря на историческую общность Анатолии, и Месопотамии, ставку на внутригосударственный национализм с расистским уклоном. Этот национализм не оставлял никакого места курдскому фактору. Курды, подобно армянам, или должны были покинуть места традиционного проживания, или же должны были быть уничтожены тем или иным способом. Данная политика лелеялась французским позитивизмом. Право на жизнь имел только сильный, а вывод Дарвина: «Выживает сильнейший» — пытались насадить в обществе как некую научно доказанную истину. Дикость современного капитализма проявилась в данном случае во всем своем ужасе. Эта жесткая позитивистская идеология, которая довела до

невозможного состояния жизнь не только армян, греков, ассирийцев и курдов, но также арабов и турок, под влиянием общества «Единение и прогресс» привела к распаду империи. Но ее воздействие продолжалось даже в условиях республиканской Турции. Якобинский характер республиканской революции и союзы, а также ведущую роль Мустафы Кемаля, на которые он основывался, мы уже рассматривали в предыдущих частях труда, посему не будем повторяться. Курды, как и другие союзники турок, были одним из созидательных элементов республики. Курды, как и на протяжении всей истории, сыграли свою роль как в освобождении общины от иноземных захватчиков, так и в строительстве республики.

Когда в пределах границ Турецкого Национального пакта, выторгованных у Британской империи взамен на Мосул-Керкук, национальное государство получила привилегии, это привело, с одной стороны, к разделению курдского народа на четыре чести, с другой стороны, в отношении части курдского народа, оставшегося в пределах этого государства, стали применяться безжалостные политические репрессии с целью полного уничтожения нации. Эта политика продолжалась с неизменной скоростью. В связи с этим должен также заметить, что договор Каср-и Ширин, заключенный в 1639 году с Сефевидским Ираном, противоречил стратегическому союзу между двумя народами - курдским и тюркским. Большинство курдов находилось в пределах Османской империи. Границы Турецкого Национального пакта однозначно определялись принципом союза курдов и турок. Договоры, заключенные с англичанами и французами, совершенно противоречили плану Турецкого национального пакта. Эти договоры, заточившие курдов в темнице самых тяжелых за всю историю проблем жизни и смерти, совершенно противоречили столь часто упоминаемому тысячелетнему сотрудничеству и братству курдов и турок. Но вопрос, который не задавался, звучит так: кто же несет ответственность за эти договоры, противоречащие идеям союза? В результате установления взаимоотношений с некоторыми гегемонистскими силами и получения определенных обещаний они разделили курдов на четыре части, но в то же время сами утверждают, что некоторые курды нарушают принципы тысячелетнего братства! Этот подход, который сколь циничен, столь же безразличен к реалиям, и на протяжении всей истории Республики довел курдскую проблему до черты культурного геноцида.

Действительно, мышление и практика, полностью игнорирующие дух тысячелетней дружбы, привели к тому, что курдская проблема перестала быть просто экономической, социальной, политической и военной проблемой, а превращена в проблему жизни и смерти культуры целого народа. Восстания (1925-1940 гг.) были использованы в этих целях, поскольку были обусловлены этой самой проблемой жизни и смерти. Иттихадистское мышление, очевидно, стремилось и выдворить курдов за пределы государства и общества, и лишить их социальной идентичности. Поэтому данная политика превратилась в многолетнюю проблему, смысл которой сводится к вопросу: «Есть ли вообще курды, или их нет?». Имея хоть какое – то сострадание, необходимо осознать то, какую страшную боль причиняет политика, выразившаяся в исключении курдов, являвшихся вторым созидательным элементом в установлении республиканского строя, из списков борцов, и обречение их на длительное игнорирование. Курдская проблема заключается не в отделении, а в выходе из процесса обезличивания и возвращении на достойные истории позиции друга, партнера и брата. Эту истину можно осознать, только имея совесть и обладая способностью к состраданию.

Б. КРАХ ПРОЕКТА СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В ТУРЦИИ И ВЫХОД РПК НА ИСТОРИЧЕСКУЮ АРЕНУ

Силы, сыгравшие основную роль в строительстве республики, представляли демократический компромисс. Лидер Мустафа Кемаль был и причиной, и следствием этого консенсуса. Конституция 1921 года и структура I ВНСТ очень хорошо раскрывают этот консенсус. Часто упоминалось о существовании и необходимости защиты исламского уммета, также о том, что турки и курды являются двумя фундаментальными элементами уммета, нации («уммет» по-арабски означает «нация»; упоминалось также об антиимпериализме и дружбе с Советской властью). В протоколах Меджлиса можно встретить множество следов этого факта. Вполне естественно воспринимались такие понятия, как «социалист», «курд», «причастность к Курдистану». Ясно, что период «якобинской революции» в истории республики выражает глобальный консенсус в обществе. Основной целью в этот период была Британская империя. Но когда при помощи революции была предотвращена интервенция и совершен переход к новой системе, усилия группы сторонников Британской империи из функционеров «Единения и прогресса», выраженные в провокации, связанной с Шейхом Саидом, а также многочисленных заговорах и провокациях, преследующих цель нейтрализации Мустафы Кемалея, включая попытки прямых покушений, с 1925 года вступили в новый этап. Эта группа еще больше усилилась, когда премьер-министром стал Исмет Инёню. То, что Мустафа Кемаль перед смертью отстранил Исмета Инёню, не изменило результата. Переход мировой гегемонии к США после второй мировой войны облегчил дела этой группы. Несмотря на внешний нейтралитет, Исмет Инёню был близок к этой группе.

Наконец, стратегические отношения с США были налажены не под руководством Демократической партии, а под руководством Исмета Инёню. Еще до вступления в НАТО в 1944 г. первая группа турецких офицеров была направлена на учебу в США. В период ДП связи усилились. В 1952 году под прямым руководством США началось учреждение в структуре турецкой армии организации «Гладио», связанной с НАТО. «Гладио» поначалу организовала себя в Турции как Совет по мобилизации и инспекции. Финансы и управление обеспечивались со стороны США. С этого времени, организация укоренилась и расширила свою деятельность во всех сферах, в том числе экономической, социальной, политической, военной и культурной. Она контролировала деятельность не только всех легальных партий, но и рабочий класс, причем делала это посредством организации Конфедерации рабочих профсоюзов Турции «Тюрк-ишь», созданной в 1952 году вместе с «Гладио». На Коммунистическую партию Турции, созданную под влиянием СССР, и на профсоюзы оказывалось безжалостное давление. В принципе, целью было немедленное подавление любого малейшего коммунистического или социалистического признака в случае их проникновения в турецкое общество. Курдская нация, обвиненная в тесной связке с коммунизмом, была обречена на аналогичную участь. В то же время имели место тайные стратегические связи с вновь образованным государством Израиль. В стиле «Гладио» развивались связи с известными, придерживающимися традиционных религиозных и примитивно-националистических взглядов семьями и личностями из курдской среды. Аналогичные отношения строились с монархиями Ирана и Ирака. СЕНТО играла роль организации, цементирующей эти взаимоотношения. Именно таким путем хотели противостоять распространению коммунизма на Ближнем и Среднем Востоке.

Ясно, что данная модель, развиваемая под руководством США, — это новая разновидность современного капитализма, возникшая в ходе «холодной войны», развернувшейся во второй половине XX века. Республика Турция с успехом сыграла роль в реализации в своей стране и на

Ближнем Среднем Востоке модели, обновленной при помощи США. Современные тенденции, который предлагал Мустафа Кемаль, имели совершенно другой характер. Он был близок к советскому стилю и опирался на стратегическую дружбу с Советским Союзом. Не осознавая этого различия, мы не сможем правильно проанализировать элементы империализма, которые пытались развить в 50-е гг., даже еще раньше, начиная со второй половины 20-х годов в противовес Мустафе Кемалю. Между применением элементов национального государства, капитализма и постиндустриализма в обоих типах современной эпохи существовало серьезное классовое, политическое, дипломатическое и экономическое различие в предпочтениях. В итоге в идеологической борьбе победила Британская империя, затем США. В принципе, между двумя этими странами всегда существовали стратегические связи. Примененные методы не только способствовали ликвидации демократического консенсуса в республике. Война, развернутая против всех, способствовала тому, что все основные союзные силы стали враждовать друг с другом. Это и было тем самым моментом, который Мустафа Кемаль никак не мог понять. В данном случае видна роль глубокого влияния позитивистской идеологии. Как бы ни тормозили стремление к независимости и свободе, а также уважение к местной и всей средневосточной культуре более разрушительную роль позитивизма, предотвратить его влияние Мустафа Кемаль не смог.

Позитивистский догматизм, насажденный вместо религиозного, и по сей день оказывает глубокое влияние на целую прослойку светских националистов Турции. Эта светская ориентация — отнюдь не демократически-республиканская, и даже не республиканская, как это принято считать, а деспотическая и диктаторская. Типичное применение — иттихадистское, а по мере воздействия несколько склоняется к НРП. Тезисы, разработанные философом права и политики Карлом Шмидтом относительно религиозной и политической теологии Германии 20 - 30-х годов прошлого столетия, гораздо больше применимы к Турции. Ответы на все политические понятия современности имеются в средневековой теологии и, на мой взгляд, даже в теологии эпохи Древнего мира. Они имеют шумерское происхождение. Все, что сделал позитивизм, - это придал этим понятиям современную окраску и под маркой «научности» вывел на «рынок», где представлял их от имени капитализма. Очень реалистично и поучительно было бы именно в противоречиях и аналогиях, касающихся позитивистского и религиозного догматизма, искать причины сомнений и опасений Мустафы Кемала, его напряженного духовного состояния, в котором он частенько пребывал, и до утра, перенапрягая зрение, читал книги о цивилизациях.

Очень важно понять и осознать тот факт, что все элитные кадры Республики Турция пребывают в состоянии глубокого невежества и пессимизма, а вместе с ними и догматизма в вопросах, касающихся современности. Этот фактор действует для всех дилемм — правых и левых, светских и религиозных, алевитов и суннитов, турков и курдов и др. По сей день не раскрыто то, как развивались и направлялись столкновения сторонников исламской общины, социалистов, курдских националистов и даже части турецких националистов с элементами современного капитализма. В частности, ориентация, приданная руководимой США организацией «Гладио», привела к трагическим последствиям. До тех пор, пока не будет пролит свет на примерно столетние взаимоотношения между экстремистскими и деструктивными силами государства с элементами современного капитализма, невозможно будет осознать ни государственные и социальные кризисы, ни имеющие место напряженность и стычки. Открытое подчеркивание той роли, которую в данной напряженности и конфликтности сыграли связи турецких властей с гегемонами системы, в частности, США и Британской империей, может сыграть жизненно важную роль в решении проблем демократизации и урегулировании курдской проблемы. Только поняв то, какие внутренние и внешние силы получали влияние в проекте республики в XX в.,

осознав то, с какими идеологическими гегемониями они связаны, каковы их экономические, социальные, политические и военные шаги, можно понять то, почему оказались столь неэффективными и привели к совершенно противоположным последствиям все усилия, связанные с достижением независимости и свободы, которые приложили и сам Мустафа Кемаль, и те силы, которые считались искренне привязанными к нему. Военные перевороты и их гражданские последствия не сыграли никакой иной роли, являясь лишь связкой с причинно-следственной цепочкой этих противоречий и конфликтов. У социологов существует единство мнений по поводу того, что все эти освободительные усилия скорее усугубили и блокировали ситуацию. Уже упоминавшийся современней проект республики изначально был ущербным. И эта ущербность, которую необходимо настойчиво подчеркивать, заключается в том, что республика была доведена до противостояния и стычек со всеми силами, добившимися освобождения страны и создавшими эту республику. Физиологическую ущербность проекта можно будет увидеть на примере перечисления таких дат, как 1925-26, 1930, 1937-38, 1945-50, 1960, 1970, 1980, 1997, 2001-2002 годы.

В 1965-1980 гг. истинные создатели республики вновь хотели напомнить о своем существовании. Но, не осознав, что им противостоит блок гегемонистских сил и олигархии и не рассчитав в достаточной степени его действия, они эмоциональными выступлениями встали на путь борьбы. Они не были в состоянии совершить революцию или контрреволюцию, как это зачастую преподносится, но представлены они были именно так. Стоило им поднять голову, как часть была подавлена, а оставшиеся — приручены. Жаль, что силы, которых используют друг против друга, никак не могут осознать истинной роли «Гладио». Несомненно, здесь не обсуждается разница между теми, кто с искренней верой борется за независимость, свободу и равенство, и их противниками. Но их связь с переворотами тоже является реальным фактом. Достаточно прозрачной является связь националистических и исламистских организаций, развивавшихся в этот период, с антикоммунистическими тактиками «Гладио». Очень серьезным оказалось влияние этих сил на экономическую и культурную жизнь. Определяющим фактором во всех сферах жизни общества стало руководство высшими звеньями «Гладио» со стороны элементов современного капитализма. В первую очередь, надо отметить контроль, осуществляемый над армией и политическими образованиями. Ясно, что использование республиканского правления в таком стиле является продолжением экстремизма организации «Единение и прогресс». Усилий Мустафы Кемалья Ататюрка было недостаточно для того, чтобы изменить это правило. До тех пор, пока не был бы устранен контроль со стороны организации «Гладио» с применением традиций экстремизма и переворотов, нельзя было бы сохранить систему и стабильность с помощью одних лишь демократических и правовых факторов республики.

То, что застывшая и порождающая проблемы структура республики сыграла определяющую роль в выходе РПК на историческую арену, станет еще яснее в свете этих рассуждений. 70-е годы прошлого века действительно были периодом усиления демократической волны. Переворот 12 марта был не в состоянии остановить этот процесс. Общественные силы, эффективно действовавшие при создании республики, вновь вышли историческую сцену; при помощи социализма, исламизма и курдского национализма они пытались узаконить себя в рядах республики. Они были полны демократических требований. И если бы переворот и фашистские репрессии не задушили бы эти требования, то в рамках демократии они могли быть удовлетворены. Но было предпочтено продолжить «холодную войну» и кризис современных тенденций более радикальными методами, постепенно превращающимися в фашистские. Республика Турция стала страной, где контроль со стороны организации «Гладио» осуществлялся

в наиболее жесткой форме. Режим 12 сентября стал одним из устрашающих примеров этого контроля.

То, что РПК не была полностью уничтожена, связано с внутренней структурой курдского народа и событиями, имевшими место на Ближнем и Среднем Востоке. Переворот 12 сентября, в сущности, где-то в течение двадцати четырех часов погрузил страну в хаос. Под ошибкой, которую они допустили в отношении курдов, лежали гораздо более глубокие социальные причины. Они верили, что курдский народ закончил свое существование. Прийти в себя после подавления восстаний и крайне жесткого периода насильственной ассимиляции казалось делом практически невозможным. В частности, развиваемое на базе элементов современного капитализма новое социальное мышление, распространенное, в первую очередь, на слои бюрократии и среднего класса, предполагало, что курды вычеркнуты из истории. Они забыли роль, сыгранную курдами в истории. Оставшиеся кое-где духовные ценности курдов они отождествляли с памятниками древней культуры. Высшие слои курдского общества, демонстрируя невиданный снобизм, уже давно свыклись с ролью прислужников власти. Что касается националистических и сектантских элементов, вступивших в связь с США, то они не только не строили планов, связанных с восстанием и свободой, но всерьез придерживались совершенно иных воззрений. В этих условиях РПК, пусть даже и пережившая разгром, оказалась еще в состоянии развить деятельность в рамках курдской социальной динамики, опираясь на неимущие сельские и городские прослойки курдов-курманджи. Она лелеяла существующие патриотические курдские чувства, культурные ценности, а также создавала заново. Несмотря на всю подавленность и раздробленность, социальная природа курдов таила в себя определенный потенциал. Необходимы были только минимум патриотических чувств и некоторые концептуальные знания. В рядах РПК на тот период эти эффективные чувства и представления были достаточно развиты. Партии были нужны не высшие дипломатические и политические кадры, а реализация в жизнь этих чувств и понятий как можно более высокими темпами. Некоторые действия, пусть и в ограниченной форме, но, тем не менее, способствовали этим шагам.

От выступлений 70-х гг. до начала 80-х гг. организация шла по этому пути. Учитывая то, что режим 12 сентября делал чрезвычайный акцент на силовом факторе, изначально подавил все левые и оппозиционные силы, а также реалии Диярбакырской тюрьмы, и принимая во внимание позиции сил на Ближнем и Среднем Востоке, начать период, называемый «акцией 15 августа 1984 года», было нетрудно. По сути, этот период должен был начаться еще в 1982 году. Причиной того, что исход был отложен на август 1984 года, стало недостаточно добросовестное выполнение своих обязанностей некоторыми элементами на горных позициях. Война между Ираном и Ираком также внесла свой вклад в формировании благоприятной обстановки. Но движение никогда не прекращало своей деятельности в Турецком Курдистане. Трудно говорить о высокопрофессиональном партизанском движении — скорее всего, имело место некоторая карикатурная версия партизанства. Даже преимущества, связанные с неожиданным для государства фактором выступления 15 августа, были использованы очень плохо. Несмотря на то, что соседние государства, а также силы в Иракском Курдистане или перешли в оппозицию, или проникли в стан противника, движение, связанное с позиционированием сил на Ближнем и Среднем Востоке, умудрялось продолжать свое существование, а также получать поддержку со всех уголков раздробленного Курдистана и от курдов Европы.

Когда стиль 12 сентября стал давать первые результаты в пользу власти, с поддержки НАТО было объявлено о введении чрезвычайного положения и начале периода разведки жандармерии JITEM. С 1985 года эффективно вступила в действие натовская организация «Гладио» под руководством

Германии. Заговоры против Папы Римского и Улафа Пальме не только были частью их общих расчетов, но косвенно или напрямую были приурочены к началу партизанского движения в Курдистане. Период выхода РПК на политическую арену в 1973-1983 гг. является выражением ситуации, в которой основную роль играло идеологическое и политическое воздействие, а вооруженная борьба — второстепенную роль. Акция 1984 года отличается тем, что вооруженная борьба уже стала первостепенной, но движение не останавливалось в своем идеологическом и политическом развитии. Роли чрезвычайного положения и JITEM требуют более подробного анализа. Известно, что и внутри движения, и за его рамками было организовано много акций, целью которых являлось разложение движения. Сюда относятся действия, устроители которых не останавливались перед чрезмерным использованием в практических акциях женщин и детей, привлекая в качестве участников такие слои населения, которые не следовало избирать, направляя острие удара не в ту сторону и подвергая их опасности. Это было проявлением максимального волюнтаризма и минимальной преданности своему делу.

Но интересно то, что чем больше РПК выставляли как демоническую организацию, тем больше она приобретала силы. Это свидетельствует о глубокой жажде свободы, характерной для курдского народа. Политика изгнания с родных земель применялась к курдскому народу во много раз чаще, чем к армянам, грекам и ассирийцам вместе взятым, и все это позитивно отразилось на освободительной миссии РПК. Конечно же, оказали свое влияние исторические и географические условия. Основным определяющим фактором развития стало провозглашение исторических требований, то есть стремление защитить свою социальную суть и отстоять человеческое достоинство. Нельзя умалять роль самостоятельного действия исторических требований.

В общем-то, неожиданной оказалась политика уважаемого президента Тургутта Озала в отношении курдов, осуществляемая с 1992 года. Мы несколько позже осознали ее значение. Лично я считаю исторической утратой то, что возможность кардинального урегулирования проблемы была утрачена со смертью Тургутта Озала. Это могло бы стать шансом республики на демократическое урегулирование проблемы, но, на мой взгляд, некоторые силы «Гладио», сознательно не допустили этого. Возвратившись из Англии, Доган Гюреш, бывший в начале 90-х начальником Генштаба, говорил не скрывая: «Мне дали зеленый свет на уничтожение повстанцев». Это стало частичным отражением этой действительности. Переворот, осуществленный премьер-министром Тансу Чиллер после смерти Тургутта Озала, а также последовавшие один за другим заговоры в рядах армии и за ее пределами — вот один из основных клубков, которые следует размотать. И этот клубок частично раскрывает документальное подтверждение того, что Тансу Чилер являлась агентом ЦРУ. Убийство истинных интеллигентов - последователей Ататюрка и передовых представителей курдского народа, тысячи нераскрытых преступлений, депортации сел, беснованные «Хезболлаха» являются, на мой взгляд, одним из самых значительных проявлений заговоров против республики. Это ассоциируется с заговорщическим, мятежным периодом республики в период правления Мустафы Кемаля в 1924-1927 гг.: в те годы тоже были ликвидированы все демократические элементы, на которых базировалась основа республики. Эта ситуация и по сей день далеко не раскрыта, но ясно, что победителями вышли Британская империя и современный капитализм. Нельзя умалять роли внешней гегемонии и их близких приспешников в том, что шанс на демократическое урегулирование проблемы, появившийся в начале 90-х гг., не дал никаких результатов из-за серий заговоров, мятежей, преступлений и репрессий в отношении курдов. Существует очень мало примеров, способных так же, как хаос, массовые убийства, провокации и уничтожения попытки возникновения демократические движения периода 1993-97 гг., пролить свет на смысл гегемонистского контроля, установленного над республикой.

Речь идет о таком интересном, почти беспрецедентном периоде истории, когда правовые, светские, социальные и демократические качества государства были полностью ликвидированы, поставлены под контроль разведки жандармерии JITEM — на службу монополистским структурам всех составляющих современного капитализма. В конце этого периода по каналу президента Сирии от имени уважаемого премьер-министра Неджметтина Эрбакана и через Брюссель от имени Отделения связей с общественностью был дан положительный ответ на поиски связей определенной группой военных. Было составлено письмо, предпринят обмен мнениями. Но отставка Неджметтина Эрбакана и мой отъезд с Ближнего Востока обрекли этот процесс на неудачу. Уверен, что ни в коем случае нельзя умалять рол, сыгранной в этой неудаче внутренними и внешними кругами, имеющими отношение к «Гладио». Глубокий кризис, в котором и сейчас пребывает республика, конфликты и вялотекущую войну можно было бы предотвратить. Этому способствовали и одностороннее прекращение нами огня, и уровень действующих отношений. Тем не менее, предпринимавшиеся попытки были подавлены, процесс умышленно сведен на нет. Был ликвидирован реальный шанс на урегулирование ситуации.

Мой последующий отъезд в Европу и поиски политических решений, к большому сожалению, не увенчались успехами из-за усилий Британии. Специальным самолетом, который был направлен из Швейцарии англичанами, сотрудничающими с функционерами «Гладио» в руководстве Греции, я был вывезен в Кению, что довольно четко раскрывает эту истину. Конечно же, в операции участвовали все европейские государства — члены НАТО, но руководящим центром была Британия. США выполняли функции официального координатора, Израиль играл роль проводника, той самой силы, которая предотвратила получение мною убежища в Москве. По сути, намного раньше, когда я еще был в Кении и на Ближнем Востоке, открыто говорилось о моем желании просить убежища. Но я не был уверен и даже не думал надеяться на что-то. В моем лице стремились растоптать все шансы курдского народа на свободу. Я был уверен в том, что никто, включая меня, не осмелится сделать это, не должен даже задумываться об этом. Очень интересно, что те, кто играл с руководителями республики, стремились играть и со мной, а также, используя РПК, — со всем курдским народом. Вновь в дело вступили в основном элементы современного капитализма, связанные друг с другом тысячью уз.

Получив соответствующие уроки в ходе моего заточения в Имрали, я был спокоен и терпелив. Эту же линию я сохранял во время допросов, судов и ареста. Следователи, думаю, подходили ко мне с позиций своей ежедневной тактики. Они неверно истолковали мое терпеливое и спокойное поведение. Такие же неверные толкования имели место и внутри нашей организации, и за ее пределами. Но, несмотря на все неверные толкования, я не нарушил линии своего поведения. Сейчас идет 11-й год моей самостоятельной позиции. На протяжении этого периода я построил линию своей защиты из четырех этапов.

Первый этап защиты. Во время судебного расследования я постарался озвучить «Манифест демократического урегулирования», выпущенный в виде брошюры. Несмотря на то, что этот голос прозвучал негромко, я уверен в том, что данная брошюра способна предложить краеугольные камни для вынесения оценки, касающейся демократического урегулирования. То, что правительство и политические круги не оценили этого труда, является серьезной потерей. Процесс был брошен на самотек: они считали, что так решится проблема. Некоторые шаги тогдашнего премьер-министра, уважаемого Бюлента Эджевита, направленные на решение вопроса, были нейтрализованы Националистической народной партией, состоявшей с ним в коалиционном блоке. ПСР даже слышать не захотела о проблеме. Вероятно, они сочли достаточной т.н. «дорожную карту», составленную задолго раньше и завизированную

руководством Северного Ирака (Южного Курдистана). Письма, написанные мной руководителям страны, а именно уважаемым Абдулле Гюлю и Реджепу Тайипу Эрдогану, а также мои возражения, касающиеся одиннадцати случаев моего заточения в карцер при том, что я и так фактически нахожусь в карцере, так и остались без ответа. Время, прошедшее до 2005 года, практически ушло впустую. Неизбежным стал новый процесс активных выступлений.

Второй этап защиты. Моя защитная речь, выпущенная в виде двух томов под названием 'От шумерского государства жрецов до Демократической республики', была представлена на первое заседание ЕСПЧ. Это был опыт более углубленного демократического решения.

Третий этап защиты. С этой частью Защитной речи, выпущенной в виде книги под названием «В защиту народа», было представлено на заседание большой коллегии ЕСПЧ. Это стало третьим этапом. Вопросы формирования и возможности решения курдской проблемы были доведены до более определенного уровня.

Четвертый этап защиты. Процесс, в котором я нахожусь по настоящее время, я считаю четвертым и последним этапом защиты. Четыре тома из пятитомной Защитной речи под названием «Манифест демократической цивилизации» (I том «Цивилизация», II том «Капиталистическая цивилизация», III том «Социология свободы», IV том «Демократическая цивилизация на Среднем Востоке», V том «Решение демократической цивилизации в Турции и Курдистане») уже завершены. Оставшийся пятый том постараюсь закончить в ближайшем будущем. Мои рассуждения, сформированные под названием «Дорожная карта», являются вступлением к завершающему тому.

Последний двадцатипятилетний период, сыгравший главную роль во всей нашей вооруженной борьбе (1984-2009 гг.), можно назвать борьбой за истину. Помимо создания общества, он вынес на повестку дня ряд незыблемых положений. Утверждение истины происходило в мировом масштабе. Исторические, общественные проблемы, в меру выявления связанных с ними истин, становились на путь решения. Что касается военных успехов, то они, если не продиктованы принципом законной самозащиты, практически всегда становятся источником проблем. Гораздо больше, чем победы или поражения в двадцатипятилетней борьбе важно то, насколько определяющей эта борьба является. Можно задаться вопросом: а имели ли вековые войны между Англией и Францией какую-либо иную цель, кроме утверждения границы через пролив Ла-Манш?

Прошедшие четверть века сыграли определяющую роль в утверждении факта существования курдского народа. Увенчание своего существования как этноса путем создания национального государства было одной из целей первого периода деятельности РПК. Но к концу упомянутого периода этот «венец» уже оказался бессмысленным, более того, сотни случаев показали, что он может стать источником новых проблем, и тогда более разумным и конструктивным показалось формирование общества на базе демократической политики.

Понимание процессов развития и преобразования РПК является наиболее реальным ключом к осознанию роли самой партии. В атмосфере «холодной» войны 70-х гг. в РПК задумывались о том, чтобы стать частью социалистического лагеря. По меньшей мере, таковы были намерения. Позиции партии выражали эти намерения. Однако интеллектуальный уровень в рядах партии был не выше уровня революционных чувств и понятий. Природа курдского общества как материал не раскрывалась с помощью современных понятий и теорий. Гораздо более определяющий характер имел революционный настрой, более, чем с идеологией, связанный с идеей свободной жизни. Именно поэтому распад социализма не слишком сильно повлиял на РПК. Партия была, скорее, движением, основанным на нравственности и вере, нежели свременной партией левого толка.

Теория существовала, но основной связующей ценностью все же оставались нравственность и вера. Возможно, наиболее значительным капиталом курдского общества в процессе войны оказались тяжелые жизненные условия, определившие сохранившуюся и по сей день силу нравственности, мужества и стойкость. То, что РПК не особенно освоила модернистскую, левую партийную модель, как это сделали другие партии, возможно, стало одной из серьезнейших причин ее жизнестойкости и способности к прогрессивному развитию. То, что пережитое ею раздробление, имевшее место потери не смогли остановить ее развития, во многом объясняется тем, что партия не заиклилась на модернистски — левой партийной модели и подобном стиле жизни. Общество не только обрело свое существование с появлением РПК — вместе с той противоречивой социальной действительностью, в которой оно находилось. Воспользовавшись силой, которую придало стремление к свободе, оно пережило все внутренние противоречия. Наиболее глубокая социальная борьба происходила внутри РПК. Ситуация внутреннего противостояния, которую бы не выдержала ни одна современная партия, повлияла на то, что развитие стало наиболее плодотворным.

Настоящий поворот в РПК ознаменовался тогда, когда она отошла от курса, целью которого было формирование собственно государства, и стала развиваться в направлении демократического политического образования. Изменение курса имело место не потому, что трудно было построить социалистическое государство. Истинной причиной отхода стал стиль жизни, не отличающийся от развивающегося во всем мире капиталистического стиля. Партия должна была изыскать возможность жить в другом мире или же ее ждал распад, подобный распаду социалистического лагеря. Самый значительный вклад, внесенный имралинским этапом моей жизни, заключается в том, что здесь во всей глубине был построен тот самый демократический путь решения, над которым лишь в ограниченной степени задумывались там, за пределами тюрьмы. Защитные речи и беседы поразительно ярко передают глубину этого пути. Ни государство, ни РПК на протяжении длительного периода не смогли осознать развитие такого рода процессов; они посчитали, что он состоит из тактических перемен. Некоторые восприняли его как своего рода начало процесса ликвидации, хотя в теории политики и социологическом познании имело место серьезное углубление позиций. РПК оказалась перед кординальным поворотом. Безответственные и, следовательно, нравственно падшие люди не постеснялись назвать этот миг поворота необходимостью побега. Определяющим фактором побегов, имевших место в начале 2000-х, стали случаи моральной слабости, проявленной перед серьезностью преобразования.

Государство и заинтересованные левые круги находились в тягостном ожидании самороспуска РПК. Это было неверным и крайне безответственным подходом. Если бы государство проявило большую ответственность, в конце 90-х могли бы иметь место демократические преобразования исторического характера. То, что на односторонние усилия не было дано достойного ответа, привело к упущению действительно исторической возможности. Либеральный индивидуализм, пришедший в поток левых сил, продемонстрировал гораздо более безответственный подход, нежели государство. Бегство не признает никаких нравственных мотивировок. То, на что общество длительное время не могло дать ответа, имело место в курдской среде, причем в самой неожиданной форме. Пережитая боль имела поразительно поучительный характер. Обычной лояльности было достаточно для того, чтобы общество могло устоять на ногах во имя единства и свободы. Даже если РПК будет ликвидирована как организация, то уже создано общество, готовое в любую минуту подняться на борьбу во имя свободы и достоинства. Сформировался свободный народ и свободные личности.

В итоге курдская проблема так и не была решена, но возможности ее решения предельно расширились. Общество кардинально изменилось, выросло и находилось в ожидании решения. Несмотря на то, что решить проблемы в одностороннем порядке, как хотелось, так и не удалось, но свои шансы на конструктивное решение РПК подчеркнуло очень ясно. Создание национального государства уже перестало быть условием решения проблемы, зато открылся очень содержательный путь для демократических политических решений. Государство тоже не могло насаждать свои решения в одностороннем порядке. Оно прекрасно осознало, что не сможет продолжить свое существование путем жесткого отрицания проблемы, как раньше. Военное решение могло оказаться настолько тяжелым, что овчинка выделки не стоила. Беспредельная сила порой бьет по своим же хозяевам, и ситуация дошла именно до такой точки. Процессы разложения и разлома, аналогичные имевшим место в структуре РПК, уже происходили и в структуре государства. Первый раз за все время государство осмелилось осудить себя в лице организации «Эргенекон». Республика Турция впервые вступила в самую серьезную в истории полосу осуждения: теперь стали говорить о бесчисленных реалиях, которые прежде отрицались.

Несомненно, самое значительное событие в этом новом процессе имело место в ноябре 2007 года, когда состоялась встреча президента США и премьер-министра Республики Турция. Содержание этой встречи до сих пор еще не полностью предано огласке; как известно, взамен на ликвидацию вооруженной борьбы РПК было обещано положить конец старому стилю руководства организации «Гладио». Суд над «Эргенекон» является конкретным выражением этой договоренности — своего рода возвратом к 1923 году. Была проявлена смелость, заключающаяся в попытке исправления ошибок, совершавшихся на протяжении восьмидесяти пяти лет. Вновь встретились истинные созидатели республики. Вновь началась судьбоносная полоса истории. Раздробленные курды желали единства и целостности народа, причем на базе обновленного Турецкого Национального пакта. История переживает массу случаев несправедливости, но никогда этого не забывает. Наступает день, когда стороны встречаются для того, чтобы преодолеть преграды, установленные противозаконными действиями. Решение, безусловно, найдено не было, но уже был сделан первый шаг на этом пути. Надежды на решение, сиявшие на горизонте, с каждым днем становились все сильнее и сильнее. У республики есть потенциал, позволяющий ей сформировать собственную демократическую модель. Основанный на богатом наследии всех пережитых цивилизаций и достойный духа единства, который дается тысячелетним братством и социальным характером сосуществования, этот потенциал не только поможет сформировать собственную модель, но и станет примером для всех несчастных народов региона. Поиск решений курдской проблемы делает возможной и даже неизбежной демократическую модель.

В. ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

С начала XIX века утверждение гегемонии современного капитализма на Ближнем и Среднем Востоке привело к новому этапу развития общественных проблем и возможностей их урегулирования. Проблема и пути решения, свойственные эпохе Древнего мира и Средним векам, были поставлены на повестку дня западной цивилизацией, присовокупившей новые элементы — заново, но уже с другим центром. Общая проблема ближнего и Среднего Востока, именуемая еще «восточной проблемой», но, по сути своей, являющаяся процессом раздробления Османской империей, оказалась на повестке дня каждого общества, народа и нации. При этом для нее характерны не только аналогичные особенности, но и совершенно специфические. Проблемы

росли, как снежный ком, усугублялись, причем происходило это на различных почвах, а именно: у арабов, персов, турок, курдов, армян, греков, ассирийцев и евреев — на национальной почве, у мусульман, христиан, иудеев и атеистов — на религиозной и конфессиональной. Но еще сильнее росли проблемы в классовой, социальной, экономической, политической, идеологической и военной сферах. С добавлением к старым проблемам новых содержаний и форм регион превратился или был превращен в сферу постоянных кризисов, столкновений и войн. Имело место коренное преимущество западной цивилизации. По мере роста этого преимущества оказалась неизбежной концентрация проблем и путей их решения во всех странах, нациях и обществах.

История никогда не создает просто проблемы, а время и место возникновения тех или иных таят в себе возможности их решения. Очень важно реалистично осознать вопросы и основные источники их решения, перейдя к практическим действиям по их ликвидации и учитывая условия, время и место их возникновения. Для этого, жизненно важно достаточно тщательное обсуждение и освещение проблем. В противном случае усилия, которые прикладываются для обсуждения и решения проблем, окажутся напрасными, и это будет похоже на битву слепцов. То, что происходит на Ближнем и Среднем Востоке под гегемонией современного капитализма на протяжении последних двух столетий, несколько напоминает по стилю борьбу слепых, что попросту навязано извне. В целом можно говорить об их политике «разделяй и властвуй», можно говорить также о ежедневной тактике, направленной на насаждение собственной гегемонии везде, где только это возможно. В результате применения самых разнообразных методов не осталось ни одной социальной прослойки или индивида, не привлеченного к этому процессу.

Курдистанский край и курдское общество находятся среди стран и обществ, больше всех испытавших на себе негативное воздействие современного капитализма, раздробленность, засилье проблем, угрозу полного уничтожения и буквально задыхается в мятежах. Курды и их предки, сталкивавшиеся с подобными процессами в эпоху Древнего мира и в Средневековье на уровне страны и общества, в эпоху современного капитализма вдобавок к угнетению и эксплуатации впервые столкнулись с систематической угрозой их существованию. Наступил очень опасный период регулярного применения тактики культурного и физического истребления. В этих общих рамках параллельно развитию проблем Курдистана и курдского народа развиваются и преобразуются возможности решения этих проблем.

Упомянутое развитие и преобразования можно рассмотреть в виде трех основных форм.

1. Решение гегемонов современного капитализма, направленное на уничтожение нации.

Вышеуказанный стиль решения проблемы является самым крайним, основанным на применении силы, и развивается он в метрополиях и колониях. Три основных элемента современного капитализма, коими являются национальное государство, капитализм и монополии индустриализма, проникая в структуру любого общества, формируют в ней гомогенизирующую социальную модель, в силу чего у них частенько возникает потребность в политике отрицания и полного истребления народа. Этот политический или административный стиль может принимать разнообразные формы в зависимости от степени сопротивления противостоящего ему общества. Если он хочет нейтрализовать это общество и растворить его в собственных элементах современного капитализма, то может довести механизм применения силового фактора вплоть до уровня геноцида. Порой общество, ставшее его мишенью, может быть выселено с родных мест в полностью окруженные им географические регионы, в те сферы, где достаточно легко может произойти ассимиляция, или подвергнуто ссылке. Еще одной формой применения силы является

переселение людей из сельской местности в города. Концентрационные лагеря, тюрьмы и массовые убийства являются той практикой, которая свидетельствует об ужесточении силового фактора. Раздробление родины репрессированного общества является еще одним силовым методом облегчения собственного диктата. Практика насильственной ассимиляции, условия которой приспособлены под те или иные реалии, входит в силовую категорию. Карательные операции, оставление людей без работы и медицинского обслуживания, всевозможные запреты, каторжный труд — все это постоянно действующие формы систематического применения силы. Если, несмотря на все это, общество, ставшее мишенью, все еще существует, но должно быть, на их взгляд, непременно уничтожено, то культурный геноцид дополняется и завершается геноцидом физическим.

Курдистан и курды на Ближнем и Среднем Востоке в различных условиях времени и места испытали на себе все формы силового давления, применяемые различными элементами современного капитализма, их монополистической верхушкой и, в частности, их национально-государственными моделями. Связывать эту практику только с турецким, персидским и арабским правительствами и их национальными государствами было бы не достаточным. Без активной деятельности капиталистической централизованной гегемонии никакое деспотическое правление или национальное государство не в состоянии самостоятельно применить силу, достаточную для массового истребления. Без разрешения системы они и при желании не смогут продемонстрировать такие средства. С начала XIX века до 1945 года Британская империя была сторонницей применения местными национальными государствами (турецким, иранским, арабскими) свойственных им колонизаторских методов в походах против Курдистана и курдов, истребляя и разделяя их. Без Британии и прочих гегемонов не было бы такого статуса курдов и Курдистана, который существует на протяжении последних двух столетий. Но это отнюдь не означает, что вся ответственность полностью лежит на империалистических метрополиях. Местные элементы современного капитализма, построенные в их систематике, оказались гораздо более безжалостными в массовом истреблении народа. В таком положении они оказались по причине своего реакционного, государственного капитализма фашистского типа, своих национально-государственных идеологий и индустриализма. Позднее осознание современного капитализма и слабость культурного наследия во многом толкают эти элементы к применению методов отрицания и полного уничтожения народа. Поскольку применяемая ими капиталистическая модель развивается в форме государственного монополизма, является по своей сути механизмом грабежей, аннексии, не развивает даже практику наемного труда и считает прибыль превыше всего, они вынуждены управлять именно так.

Аналогичный стиль навязывается и подконтрольному частному сектору. Разумеется, подобная форма государственного и частного секторов капитализма не может быть спокойно применена без таких средств, как убийства и насильственная ассимиляция. Национальное государство, впрочем, и есть самый крупный капиталистический босс. Характеристика национального государства как наиболее организованной и концентрированной формы капитализма имеет определяющее значение с точки зрения осознания процесса. «Социальная инженерия» национального государства, являясь колесом глобальной гомогенизации во имя господствующего этноса, будет безжалостно работать вплоть до полной ликвидации «чужеродных». Арабские, тюркские и персидские национальные государства, построенные на курдах и Курдистане, наделены этими функциями.

Индустриализм следует воспринимать как монополистическую практику реализации национальных программ массового уничтожения. Уничтожение сельской крестьянской общины

является одной из крупнейших разрушительных акций современности, причем целью является гибель общества. Эпоха индустриализма, способствующая опустошению тысяч населенных пунктов вместе с уничтожением их культурных достояний, отдавшая окружающую среду на растерзание радиации, загрязняющей, отравляющей ее, основанная на угольной и ядерной энергии, разрушающая природный баланс, является источником угроз, последствия которых гораздо хуже геноцида. Уничтожение и расхищение исторических памятников в Курдистане, отсутствие у курдов права на свободное выражение собственной культуры, запреты, наложенные на культурные ценности, отсутствие свободы образования сигнализируют о более опасных, нежели физический геноцид, сторонах культурного истребления народа.

Этот стиль общественной дикости, называемый «военным или силовым решением», связан с позитивистским дарвинизмом, берущий за основу право сильного на жизнь. Курды одними из первых, с начала и до конца, испытали на себе всю многостороннюю практику решения проблемы путем угнетения и полного уничтожения народа. Это решение предлагают сторонники применения военной силы, опирающиеся на элементы современного капитализма. Армяне, греки, ассирийцы, бедуины и туркмены тоже стали жертвами подобных решений. Создание гомогенной господствующей нации — это полнейшее бедствие. Кроме того, одна гомогенная нация сводится к истреблению тысяч культурных ценностей. Восстания и мятежи во имя защиты собственного существования и достоинства, вспыхивающие против современного капитализма, в частности, против национально-государственной идеологии, из-за дисбаланса сил в целом завершались массовыми убийствами. Каждый факт геноцида считался еще одним шагом в рамках военного решения проблемы. Трагедия раздробления, пережитая курдским народом после разделения Курдистана по итогам Каср –и Ширинского договора (1639 г.), несмотря на подписание Турецкого Национального пакта, способствовал массивному применению методов военного урегулирования проблемы. На протяжении примерно девяноста лет каждая часть Курдистана превращается в экспериментальное поле различных методов военного решения. Умышленно созданный реакционный курдский имидж превращен в аргумент для завоевательных походов с целью угнетения и истребления народа.

Основная социальная сила, стоящая за спиной авторов военного решения,— это буржуазия и бюрократия среднего класса, созданная элементами современного капитализма. Этот класс сформировался на почве отрицания курдов как нации. Его рост проходил через колонизацию курдского народа и безнаказанное пролитие крови. Курдистан и курды считаются природным сырьем этого класса. Курдов никогда не считали субъектом отношений, он всегда был в роли объекта, за ним был закреплен рабский статус, гораздо более тяжкий, чем порабощенность женщины. Выступление курдов против гегемонистских сил Запада, применяющих относительно мягкую политику колонизации, имеет место не потому, что Запад привязан к идеям независимости и свободы, а потому, что он страшно боится того, что это сырье могут у него отобрать и управлять им в более благоприятных условиях, следовательно, настроить курдов против него самого.

Начиная с 20-х годов прошлого века, под тенью западных гегемонов был создан тайный союз четырех государств, против курдского народа. Для того, чтобы по своему усмотрению координировать действия четырех местных национальных государств (Иран, Турция, Сирия и Ирак), эти гегемоны посчитали доблестью закулисные игры с использованием курдов и Курдистана. Они сочли более целесообразным оставить курдов за бортом, добившись всех своих целей. Ни одна страна, ни один народ мира не подвергался столь массивному применению военной силы и заговорам. Армяне, греки и ассирийцы тоже стали жертвами подобной «современной» практики. Распад иракского национального государства в 2003 году стал причиной

паники властей Сирии, Ирана и Турции. Забыв обо всех противоречиях и стычках, забыв о столь часто упоминаемом религиозном братстве, они принялись обновлять свой священный союз против курдов. Эти страны сплотились против Курдистана и курдов в альянс, немыслимый в отношении иных врагов.

Помимо выступлений против этой массивированной гегемонии, причем без защитников и союзников, курды, в отличие от современных им народов, не смогли развить пути урегулирования ни в рамках национального государства, ни в рамках демократических принципов. Несмотря на то, что распад иракской модели национального государства дал некоторым курдским силам возможности формирования федерального государства и решения проблемы в рамках национального государства, оно не является надежным. Это образование, не ставшее для курдов спасением, пытаются использовать в качестве орудия контроля для гегемонистских сил и колонизаторов. Политика военного решения и применения силы не оставляет идей достижения традиционных целей, касающихся каждого уголка Курдистана и его народа, но уже не обладает прежней силой, необходимой для этого. Предельно расшифрованная, она очень быстро теряет свою соглашательскую почву. В силу не утихающего на протяжении последних тридцати лет повстанческого движения оказались сорваны маски с лиц традиционных курдских ренегатов, являющихся той самой социальной прослойкой, с которой больше всего связывают надежды последователи военного решения проблемы в духе национального государства — они оказались расшифрованными. В том, что метод военного решения утерял свою силу, огромную роль сыграло преодоление влияния соглашательства на социальной почве.

Вместе с размещением гегемонии США в Ираке была создана предельно благоприятная почва для продолжения в прежней форме традиционной практики пронатовского «Гладио», то есть антиповстанческих методов. Напряженность, существующая между Республикой Турция и США в силу позиции в отношении РПК и Курдского Федеративного Государства, была перенесена на новую стадию в результате Вашингтонского соглашения 2007 года. Известно, что в ответ на прекращение вооруженной борьбы РПК было достигнуто глобальное соглашение по поводу конструктивных подходов в социальной, экономической, политической и культурной сферах, которые не признают главной роли военного решения в структуре национального государства. Осуждение «Эргенекона» связано с этим соглашением. Роль этого соглашения нужно искать также в переходе к установлению нормальных отношений с Курдским Федеративным Государством. Таким образом, действия турецких национально-государственных методов в отношении Курдистана и курдов вынужденно было измениться. Предельно эффективную роль в этом сыграли две другие опоры современности, коими являются сужающиеся пропорции капитала и индустриальные интересы в отношении иракской экономики. Политика Республики Турция в отношении нового Курдистана и курдов уже перестала быть политикой преимущественно военного решения, а стала склоняться в сторону политики соглашения в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Несомненно, это очень значительный прогресс, способный дать серьезные результаты не только для Курдистана и курдов, но и в масштабе всего Ближнего и Среднего Востока.

2. Курдское федералистское национально-государственное урегулирование.

Это решение, ориентированное на курдов Южного Курдистана, в основном отражает интересы западных гегемонистских сил. Поскольку эти силы не уверены в долгосрочном успехе национально-государственных решений местных фашистских сил, а также вышупомянутые

способы урегулирования не соответствуют действительности с точки зрения размещения в регионе, федералистское национально-государственное урегулирование является необходимостью. Таким образом, этот способ урегулирования, ориентированный на Южный Курдистан, играет роль самого надежного «лома» как в размещении в соответствующей стране, так и в привязывании к себе местных национальных государств и прочих элементов современности. Полностью независимое курдское национально-государственное устройство с этой точки зрения их не устраивает, поэтому и наделяется только ролью этого самого «лома». Курдские элементы современного капитализма стали поворачивать свои взоры в сторону федералистского урегулирования, поскольку их традиционная соглашательская политика уже достаточно скомпрометирована и не отвечает их же собственным интересам. Курдское Федеративное Государство в Северном Ираке (Южном Курдистане) следует воспринимать как буржуазное преобразование не просто региона, но и соглашательского класса во всем Курдистане. Корни его прежние. Во всех восстаниях и националистических организациях главной целью всегда было решение такого типа. Несмотря на раздробленность, новые позиции этих сил можно считать курдским современным капитализмом.

В частности, повстанческая деятельность РПК на протяжении последних тридцати лет вынуждает их к солидарности в собственных рядах и поискам федералистского решения. Как бы ни были они раздроблены, сколько бы ни было у них правителей, как бы слабы ни были в идеологическом и политическом смысле, федералистская курдская национально-государственная модель будет упорной в своем стремлении применить все окружающие ее способы урегулирования проблемы. Как бы ни противились этому местные соседние национальные государства (Турция, Иран, Сирия и даже Ирак), высока вероятность того, что при поддержке всемирной капиталистической гегемонии они упрочат свои позиции. Всемирная гегемония считает, что эта модель решения более всего соответствует ее интересам. Судьба федералистского способа урегулирования связана с правильным осознанием курдской идентичности буржуазией и бюрократией господствующего национального государства и проявлением уважения к этой идентичности. Эксперимент в Ираке свидетельствует о том, что данный этап еще не наступил. Подход сирийского арабского национального государства заключается в том, что курды выдворены за пределы государственного общества. Государство даже не собирается считать сирийских курдов своими гражданами. Действующий в Иране жесткий шиитский национализм чужд курдской действительности, и поэтому он является неблагоприятной почвой для ассимиляции курдов. Приспособление традиционной местной власти к модельным элементам потребует много времени. Существующая власть далека от федерализма. Гораздо раньше может произойти освобождение буржуазии и бюрократии турецкого среднего класса от мышления, побуждающего к отрицанию и ассимиляции курдского народа. Активизация сотрудничества преобладающих масс курдского народа с турецкой элитой в рамках республики, а также более ранних государственных образований может способствовать перевороту в мышлении.

Нетрудно вспомнить о стратегическом сотрудничестве в период создания республики. По мере того, как будет правильно воспринята общая история, неизбежным станет последовательное признание курдов в рамках государственного образования. То, что отторжение курдов становится для турецкой нации стратегической трагедией, турки более чем хорошо осознавали в кризисные периоды. В нормальные периоды тоже нетрудно осуществлять поиск модели жизни с помощью такого признания, пусть даже эта модель и не будет федералистской. Тесная взаимосвязь в рамках общества тоже может быть расценена в пользу общего жизненного волеизъявления. Если распад национальной и националистической идеологии, а также глубокие исторические корни общинно-национального мировоззрения будут использованы в пользу консервативной демократии, то

традиционное курдское соглашательство отдаст предпочтение именно этим рядам. Современные реалии показывают это. Как бы ни пытались держать в постоянной готовности военный способ решения, возможны дискуссии по поводу федерализма, хотя бы в рамках свободы мышления.

Социальная производительность, как военного, так и федералистски-соглашательского способов решения проблемы очень узка. Это не является решением, которое могло бы пойти на пользу курдам и соседним обществам. Данные модели отражают решения элементов высших слоев современного капитализма, направленные на поиск согласия в собственных рядах. В силу страха перед низшими слоями общества они чаще обращаются к необходимости такого выхода. Выводы, возникающие в рамках всех национально-освободительных движений и рабочих профсоюзов, исходят от среднего класса. Невозможность развязывания данной ситуации порождена этой классовой структурой. У каждого класса есть свои конструктивные возможности. Условием кардинального решения социальных проблем является вступление в действие и обозначение исторической роли элементов демократического общества, стоящими в стороне от элементов капиталистического модернизма. История не предоставляет достаточного потенциала для курдского современного капитализма. Поиски решений, ориентированные на создание национального государства, не могут преобладать над федерализмом. Возможностей федерализма само по себе недостаточно для решения курдской общественной проблемы, находящейся в состоянии кризиса; он способен сыграть положительную роль только для решения проблемы в рамках демократической нации, и только таким образом устранить недостатки, вытекающие из собственной несостоятельности.

3. Урегулирование в рамках демократической нации.

Определяющая особенность демократического национального решения заключается в поиске решения вне рамок государства. Это означает ни разрушение старого и создания на его месте нового государства, ни превращение в продолжение существующего государства и растворение в его недрах. Общество ищет пути решения в собственном потенциале, в своем демократическом волеизъявлении. Оно не видит в государстве мишени, ни позитивной, ни негативной. На протяжении всей истории цивилизации или, конкретно, в период современного капитализма решение социальных проблем и удовлетворение классовых интересов с точки зрения высших слоев общества возможно только путем государственного строительства. У демоса не может быть такого варианта решения. Пролетарский метод решения или метод решения в рамках народного государства, предлагаемый от имени трудящихся и всех народов, в сущности, является обманом или заблуждением. Жизнь подтвердила эту истину. Все войны во имя власти и государства всегда проводились в интересах элиты и капитала. То, что на протяжении истории демократические национальные решения не нашли особого развития, является результатом интересов правящей элиты и капитала. Такие реалии характерны и при решении актуальных современных проблем.

То, что РПК, находясь под влиянием идеологии социализма, долгое время не могла преодолеть влияния национально-государственной парадигмы, стало основной причиной ее проблем. Эта ситуация напоминает то, как элементы современного капитализма тормозят развитие Республики Турция. Целью является превращение Республики Турция в социалистическое государство, провозглашение социалистической республики в Курдистане и дальнейшее установление интернационалистического единства между двумя государствами. В этой парадигме нет особого места демократии, демократическому обществу. Просто они не видели классового противоречия в природе власти и государства. Также как К. Маркс верил в создание чисто капиталистического

общества, и они верили в создание чисто классового государства. Но, ни чисто капиталистическое общество, ни чисто классовое государство по определению невозможно создать. Несмотря на некоторую справедливую и верную критику в этом направлении, анархисты не могли развить эту истину в отношении демократического национального общества.

Восприятие РПК демократического национального общества было очень болезненным процессом. Вместе с тем, это стало вторым рождением, отказом от идеи стать партией социалистического типа. Это было отказом от притязаний на государственное становление. РПК стоит первой в числе похожих партий, переживших преобразования такого типа.

Демократическое национальное решение предлагается как возможность решения, свойственная не только курдам и Курдистану. Этот вариант имеется в виду как единый всемирный для всех обществ, в первую очередь, ближневосточных. Политический каркас, охватывающий демократическое национальное решение, — это негосударственная демократическая конфедерация гражданского общества. У демократической конфедерации нет ничего общего с государственным федерализмом или конфедерализмом. Это совершенно разные явления.

Социально-экономическая модель демократического национального решения — это общественные единицы. Экологические, социальные и общественно - экономические единицы не заботятся о прибыли. Важнее всего перечисление основных потребностей. Даже при наличии рынка монополизм, довлеющий над ним, пусть и в ограниченной форме, находится в сфере контроля общества. Этические и политические ценности общества стоят выше права. Преимущество принадлежит не правовому обществу, а, скорее, основам этического и политического общества. При обзоре общественных дел и проблем действительными являются прямые демократические критерии. Прямая демократия соразмерна с научным сознанием эпохи. Свобода общества и индивида реализуется путем тесной сопряженности этики и политического искусства. Мера свободной личности связана с уровнем свободы общественных единиц, в которых он находится. Оторванность от общества не может по своему смыслу соответствовать свободе.

Наряду с некоторыми общими особенностями мы можем вновь перечислить ряд фундаментальных принципов решения демократической нации:

а) демократическая нация. Выражает национальное состояние многоязычного, полиэтнического, демократического общества, не допускающего классового расслоения и основанного на свободной и равноправной индивидуальности. Демократическая нация формируется из демократических граждан и сообществ. Она основывается на парадигме открытой нации, состоящей из открытых гибких культурных личностей;

б) общая Родина (демократическая Родина). Является выражением Отчизны, в которой ни один человек не отчуждает другого, ни одно общество не отчуждает другое общество. Эта Родина принадлежит всем и каждому по принципу свободы и равноправия.

в) демократическая республика. Является выражением открытости государства для демократического общества и индивидуума. Организация государства и демократическая организация индивидуума — это разные явления, но основывающиеся на взаимном уважении к легитимности друг друга.

г) демократическая конституция. Это конституция, сформированная общественным согласием, в основе которого лежит защита демократического гражданина и сообществ от национального государства.

д) неразделимость индивидуальных и коллективных прав. Подобно тому, как общество, состоящее из индивидов, отличается от сообщества индивидов, причем между ними есть определенная разница, так и индивидуальные и коллективные права выражают две разных ипостаси одного и того же общества. Как не бывает односторонней медали, так же не бывает и общества или индивидов с несвязанными друг с другом индивидуальными и коллективными правами.

е) идеологическая независимость и свобода. Решение в рамках демократической нации не может быть осуществлено без преодоления позитивистской идеологической гегемонии современного капитализма и либерального рабства, воскрешенного в виде индивидуализма. Осознание собственной социальной природы является условием демократического национального решения.

ж) историчность и современность. Социальные реалии— это исторические реалии. То, что пережито в истории, существует, пусть и с небольшой разницей, в современной жизни. Без правильного построения связей между историей и современностью невозможно преодолеть индивидуалистические барьеры современного капитализма, лишаящего общество его исторического прошлого, и гомогенное, сиюминутное мышление, основанное на одном дне. Правильное понимание истории и сегодняшнего дня является условием, необходимым для демократического национального решения.

з) нравственность и совесть. Ни одна социальная проблема не может быть нормально решена без обращения к нравственности и совести. Самостоятельные силовые и правовые решения современности не дадут никакого иного результата, кроме замалчивания проблем и введения в заблуждение. В демократическом национальном решении важно сопереживание, основанное на нравственности и совести.

и) самозащита демократии. Как не бывает жизни без самообороны, так и демократические общества, являющиеся наиболее развитой субстанцией природы, не могут продолжить своего существования, не защищая себя. В рамках демократического национального решения необходимо соответствовать требованиям принципа самозащиты.

Эти принципиальные подходы, которые необходимо развить дальше, требуют от нас более точного осознания решения в рамках демократической нации. Данные принципы, в виде глобальных постоянно выносимые на повестку дня Евросоюзом, действительно являются лекарством для общественных проблем Ближнего и Среднего Востока в целом, но, более того, для курдских общественных проблем. На основе этих принципов и в рамках характеристики демократической национальной жизни демократическое решение, которое будет реализовано в Курдистане, имеет историческое значение.

Вступление Турции в полосу демократизации и демократическое решение курдской проблемы — это две стороны одной медали. Одна сторона не может существовать без другой. Прояснить вопрос позволит попытка конкретизировать аспекты решения применительно к Турции. Прежде всего, нельзя игнорировать вкратце описанный выше и повторяющийся сейчас принципиальный подход. Решения, не основанные на принципах и системе, не могут иметь ясного характера и не являются ничем большим, нежели однодневный прием препаратов. Задуманное решение, независимо от того, распадется капиталистическая гегемонистская система Запада или продолжит свое существование, — это возможность урегулирования, которую на протяжении этого структурного периода необходимо применить и защитить.

Первая особенность заключается в том, что предлагается решение, применяемое на протяжении всей цивилизации Запада, даже способное выйти за ее рамки.

Вторая особенность состоит в том, что изначально признается существование демократического национального общества, следовательно, существование и легальность шанса на решение, независимо от существования в Республике Турция искусственных образований, структурных особенностей и стоящих за ними идеологических монополий. Элементы демократического урегулирования, о которых здесь идет речь, не предлагают ликвидацию элементов современного капитализма (национального государства, капитализма и индустриального общества) революционным путем и не признают уничтожения и ассимиляции этих элементов при помощи силовой политики. Они основаны на принципе мирного сосуществования личностей, соревновании двух институтов, признающих легитимность друг друга, и предлагают именно такое решение проблемы.

Третья особенность, будучи связанной с первой и второй, имеет в виду незаменимость структур демократической политики. Фундаментом решения всех существующих проблем и тех, которые могут возникнуть в будущем, является демократическая политика, в которую входят такие понятия, как демократические дискуссии и дипломатические мероприятия. Разработка демократической политики включает в себя необходимость устранения всех существующих препятствий. Содержательная свобода мышления, а также существование всех партий, синдикатов, кооперативов и всевозможных институтов гражданского общества, имеющие демократическую структуру, возможны только путем преодоления всех существующих препятствий. Незаменимым условием демократических выборов является или значительное снижение избирательного ценза, или полная его отмена.

Четвертая особенность заключается в необходимости развития систем, признающих право обоих субстанций на самооборону. Впрочем, в разделе «Некоторые понятия, теории и принципы» данной «дорожной карты» мы постарались содержательно раскрыть все эти особенности. В данном случае речь идет о том, какая модель должна быть предложена в качестве решения.

4. Конкретизация демократического решения на уровне названия; АОК.

Демократическое урегулирование возможно даже на уровне названия. Институты и существующие границы Турецкой Республики воспринимаются как легитимные. Их унитарный характер, федерализм или конфедерализм, равно как проблемы, связанные с формой, не обсуждаются, даже речи нет о внесении этих вопросов на повестку дня. Имеется в виду практическая реализация демократического, равноправного и свободолобивого характера гражданства на структурном уровне на практике, а не только на уровне конституции и законов. Именно поэтому предлагается реализация не только индивидуальных прав и свобод, но и прав и свобод коллективных, открытых для контактов культурных личностей и их неразделимость. Особенности, касающиеся решения курдской проблемы, следует воспринимать как неотделимую часть процесса демократизации, даже оценки их основы в той форме, в которой они существуют. Решение, не основанное на государственном подходе, основано на демократической системе, включающей в себя всё общество. Поскольку основные особенности, которые должны были уяснены из демократической системы, уже были разработаны в разделе «Понятия, теории и принципы» и последующих разделах, не вижу смысла в повторении. Однако дополнительная конкретизация на уровне названия возможна в рамках АОК (Ассоциации обществ Курдистана). Очень часто упоминается о том, что нельзя рассматривать АОК в рамках стиля Республики

Турция или его альтернативы. Как в формальном, так и содержательном смысле оба образования отличаются друг от друга. Были приложены усилия для того, чтобы проанализировать то, чем является Республика Турция со своими структурами и институтами. Не надо повторяться. Что касается АОК, то здесь надо подробно остановиться на этом вопросе, как с точки зрения определения, так и с точки зрения развития процесса. В данном случае можно дать определение, сводящееся к опоясывающей организованности каркасу, состоящему из элементов современной курдской демократии (демократическая нация, состоящая из эколого-экономических сообществ, демократического гражданства и открытых для контактов культурных личностей).

Здесь речь идет об основных понятиях, коими являются «демократическое гражданство» и «демократическая нация». Считаю, что дискуссии о демократическом гражданстве являются излишними. Не может быть серьезных возражений по поводу того, чтобы охарактеризовать его как личность владеющая коллективными и индивидуальными правами. Понятие «демократическая нация» может показаться несколько более смешанным. Но не следует забывать о близости к этому такого понятия, как «нация», возникшего в результате кровавых столкновений, имевших место в течение последних пяти столетий в ЕС. Государственный национализм даже в наши дни переживает проблемы собственной жизнедеятельности в силу торможения и вопросов, которым он способствовал. Акцент в этих новых понятиях нации делается на демократическом характере. Гораздо более конструктивным был бы такой подход, если бы выражение Мустафы Кемала в Республике Турция: «Турецкий народ называется турецкой нацией» будет оценено не в одностороннем порядке, а в ракурсе многих аспектов. В особенности осложняют его применение чрезмерно шовинистские суждения, в которых преобладает мужское влияние. С ярко выраженным андрогенным началом. Оно превратилось в такое понятие, которое постепенно препятствует участию других идентичностей. Стало быть, термин «турецкая нация» очень близок к формулировке нации, что в соответствии с моим определением, состоит из открытых для контактов культурных идентичностей и демократичных, свободных граждан, более того, является его выражением, потому что даже в тот период это понятие отражало наличие многих этносов. Далекая от толерантности защита определения, ставшего препятствием, не может внести лепту в поиск решения.

Что касается АОК, то его можно считать средством демократизации гражданского общества курдов. Являясь цементирующим каркасом гражданского общества, АОК в свойственной ему форме действительно может быть поставлен на рельсы таких понятий, как единство турецкого народа или турецкой нации. Точнее, если есть искренняя вера в необходимость присутствия курдов в составе турецкого народа или нации, и таковое признается, то становится очевидным, что наиболее гибкое и соответствующее определение должно быть именно таким. Только при помощи такого гибкого определения нации можно блокировать подходы, основанные на идее отрицания и истребления курдского народа, а также постоянно порождающие проблемные федералистские методы. Путь сепаратизму и насилию надолго преградит именно такой гибкий подход к понятию нации и цементирующего пояса. История и современность очень хорошо дают нам понять то, что военная сила и федералистские решения не только не решают проблем, но и способствуют постоянным войнам и сепаратизму. В данной ситуации курды позиционируют себя как идентичность, продвинувшая вперед понятие коллективизма и достигшая прогресса в своих свободолюбивых устремлениях. Без каких-либо притязаний на пророчество можно говорить о том, что попытки насаждения какой-либо ситуации, которая будет хуже, нежели нынешняя, способствуют эскалации насилия и сепаратизма, точнее, это приведет к ускоренному и активному движению по пути, который уже открыт. Федеральное правительство Курдистана в Северном Ираке несколько отражает эту действительность. Нам известны последствия политики отрицания

и истребления курдов в истории Республики Турция. Если остановиться на модели решения АОК, принимая во внимание тот уровень, которого достигла социология, то можно прийти к выводу о том, что это и есть наилучший метод, больше всего соответствующий понятиям «Демократической Турции», «Демократической Республики» и «демократической нации». Реализация этой модели является наиболее вероятной.

Было бы очень полезно предвидеть возможные процессы в случае практической реализации решения АОК. В таком случае все институты республики продолжат свою жизнедеятельность. Но уже родилась иная ситуация. Развивается структуризация АОК. Пока государство позиционирует себя в роли административных единиц, АОК реализуется в виде демократических структур. Его положение и решаемые им вопросы могут говорить о разнообразии и аналогичности, но в случае различий они будут дополнять друг друга. В случае аналогичности начнется позитивное соревнование. В зависимости от того, какой из них сможет дать ответ на те, или иные общественные проблемы, ему и будет дано преимущество.

Наиболее важной особенностью этой модели решения является то, что здесь не требуется исключение или отчуждение одного другим, на чем были основаны все традиционные решения, связанное с индивидуальными или государственными правами. До тех пор, пока одно из них не было разрушено или отчуждено, не могла быть реализована другая версия, считающаяся более удачной. В данном случае определяющей является роль религиозного и позитивистского догматизма, на протяжении истории и в наши дни не давшего никакого иного результата, кроме превращения общества в клубок проблем. Новые данные социологии подчеркивают гибкость и высокий уровень мышления социальной природы. Они указывают на распространенность симбиотических отношений. Они также свидетельствуют о том, что антагонистические противоречия отнюдь не являются обязательными. Гораздо более правильно было бы говорить о том, что взаимоотношения институтов демократической политики с государством (АОК является цементирующим каркасом таких структур) не только не являются разрушительными, но и способствуют более эффективному и необходимому статусу государства. Несмотря на периоды напряженности, активный диалог между ними сможет производить необходимые демократические решения. Можно говорить о том, что если этот процесс будет продолжен, то в рамках сумевших сохраниться структурных форм самые полезные и необходимые из них отстоят свое положение и будут развиваться, а ненужные и бесполезные попросту будут нейтрализованы. Впрочем, именно такой результат и ожидается от деятельности демократических механизмов.

5. Аспекты возможного применения решения, предложенного АОК

Рассматривая аспекты возможного применения модели решения АОК, видим, что темы становятся еще яснее:

а). Экономический аспект. АОК предстоит серьезная работа в сфере экономики. АОК будет защищать общество и окружающую среду от влияния элементов современного капитализма, отличающихся чрезмерным стремлением к прибыли и разрушением окружающей среды. Эту функцию он будет выполнять при помощи своих структурных единиц, которые не берут за основу идею извлечения прибыли и способны удовлетворить основополагающие требования общества. В первую очередь, это экономические и экологические коммуны. Он будет противостоять засилью монополистических структур на общественном рынке. Капиталистические элементы не будут уничтожены, но их функции предельно ограничатся. Труд уже перестанет быть каторгой, а станет ритуалом жизни. Будут снесены стены, воздвигнутые между жизнью и трудом. В отличие от

системы, превращающей в товар все, что есть в обществе, и душащей в товарных отношениях все общество, предпочтение будет отдано экономической системе, основанной на идеях потребления и обязательного обмена. Экологическая и общественная почва, на которой основан

АОК, является тем самым кафтаном, который скроен для этой системы. Нравственное мировоззрение, не только устраняющее распространенную безработицу, но и считающее труд определенной свободой, способно удовлетворить тоску и все настоящие потребности общества.

б). Социальный аспект. Система АОК является удобным способом производства в плане удовлетворения потребностей общества в таких сферах, как образование, здравоохранение, спорт, искусство и право. Функциональный статус АОК можно понять гораздо лучше, если обратить внимание на то, что структуры республики и по сей день не реализовали ожидаемых от них надежд в этих социальных сферах, где формируется соревнование с государством и взаимные симбиотические отношения. В этих сферах язык и этнос не порождают серьезных проблем, как это принято считать. Развитие образования на многих языках — это ситуация, которую следует поощрять с точки зрения социальной необходимости. Развитие курдского языка также других языков и их использование в сфере образования помогут на одном уровне с турецким языком реальному воспроизводству смысла. В этой сфере нет места шовинизму и насаждению собственной идеологии. Развитие курдами собственных институтов образования, здравоохранения, спорта и искусства по своему содержанию тождественно демократической нации, а по своей сути обеспечивает идею национального единства и обогащает ее. Эти же особенности действительны и для других культур. Если рассматривать народ Турции или нацию как единство культурных достояний, то можно будет увидеть, что многие особенности, считающиеся тревожной «красной линией», состоят из догматических, реакционных предубеждений, не способствующих прогрессу. Нет никакой иной позиции, способной придать столько сил, сколько добровольное национальное единство.

в). Аспект безопасности. Наиболее дискутируемый, требующий решений и законов аспект относится к сфере безопасности. Поскольку курды не только лишены возможности свободной жизни, но постоянно сталкиваются с различного рода опасностью, они будут настойчиво требовать структурных решений и нормальных гарантий своей безопасности. Армия Турецкой Республики защищает ее от внешних угроз, но позиция армии в отношении существования и свободы курдов требует радикальных преобразований. Такие особенности характерны и для прочих институтов безопасности. До осуществления упомянутых преобразований АОК вынужден сохранять собственные силы самообороны. В частности, до тех пор, пока существует Корпус сельской сражи, JTEM в ее нынешней форме и прочие паравоенные группы (частично и те, что получили свое отражение в организации «Эргенекон»), незаменимой частью демократической жизни будут иметь силы самообороны АОК. Необходимо, чтобы армия, дислоцированная в Курдистане, преследовала цель защиты страны от внешних угроз; вместе с тем, признав курдов в качестве истинного элемента государства и национального единства, армия перестала курдов рассматривать как источник угрозы. Необходимо прилагать совместные усилия для того, чтобы преодолеть такого рода горькие мгновения истории республики. Можно разработать разнообразные решения, касающиеся сил самообороны АОК. Можно задуматься о временных и постоянных статусах. Можно добиться их преобразования в рамках местных сил безопасности, пусть и не как у иракских курдов, но интегрировать их в армию и другие силы безопасности.

г). Дипломатический аспект. Наиболее важной проблемой в этом аспекте является отношение к разделению курдов и Курдистана, что происходило вопреки положениям Турецкого Национального пакта, и то, какие предлагаются пути решения проблемы. Несомненно, в этот

аспект входят туркмены, даже армяне и ассирийцы. Их положение очень сильно влияет на внутреннюю и внешнюю политику. Развитие событий в Ираке и Армении предельно проясняет ситуацию. Нельзя преуменьшать значение событий, происходящих в Сирии. Что касается Ирана, то он заинтересовал весь мир. Он серьезно дистанцировался от положений Каср-и Ширинского договора, подписанного с Турцией. Мы переживаем нехватку времени. Все эти вопросы требуют размышления и разработки решения в масштабе всего Ближнего и Среднего Востока. АОК предлагает потрясающий пример решения в масштабе всего региона — систему, решающую проблемы без каких-либо этнических и национальных различий, точнее, в рамках конфессионального, этнического и национального разнообразия.

Модель, о которой идет в данном случае речь, — это не та система, которая ликвидирует все границы, призывает к военному решению проблемы и даже самостоятельно устанавливает федерализм. В данном случае речь идет о развитии метода, координирующегося с множеством других, предлагаемых всеми мировыми структурами, в том числе ЕС. В то же время, этот метод самобытен. АОК постоянно руководствуется этой необходимостью. Данную организацию можно расширить до уровня цементирующего каркаса Ближнего и Среднего Востока, охватывающего курдов, армян, ассирийцев и туркмен. При этом совершенно не обязательно охватывать все государства, способные создать общую организацию типа ЕС. В частности, можно предложить модель гибкой конфедерации между Турцией, Сирией и Ираком. Эта модель постепенно может расширяться и углубиться в масштабе всего Ближнего и Среднего Востока. Модель решения КСК не является антиподом модели единства государств, ее можно рассматривать как параллельный, дополняющий союз гражданских обществ, демократическую конфедерацию, рожденную в недрах социальных потребностей. Ближневосточная практика дает бесчисленное количество уроков, касающихся нерешения проблем исключительно путем дипломатической деятельности государств. Отнюдь неслучайно ЕС параллельно конфедерации государств развивает конфедерации гражданских обществ на принципах равноправия. Потребность в подобной рода современном обществе, стоящем выше нации, делает незаменимой именно такую организацию солидарности. Конфедерация государств и демократическая конфедерация гражданских обществ Ближнего и Среднего Востока одинаково необходимы и важны, их следует развивать по принципу параллельности и взаимного дополнения. Все проблемы должны решаться именно так.

Позиции АОК позволяют говорить и о других аспектах. С точки зрения позиций возможной практики и развития процессов эти аспекты имеют достаточно высокий просветительский характер и могут обеспечить массу предложений. Несомненно, во всех сферах существуют конституционные и административные проблемы, требующие решения. В этом смысле АОК может вести активный диалог с институтами безопасности государства и внести свой вклад в разработку совместного решения. Деятельность на уровне правительства и ВНСТ будут играть ключевую роль в разработке решения. В противном случае отдельного диалога и совместных усилий только лишь на уровне государственных структур будет недостаточно. Не хватит также отдельно взятых усилий правительства и ВНСТ. Значительной окажется роль гражданского общества и оппозиционных партий, являющихся его частичкой. Особенно важно развитие связей с общественностью. Жизненную роль при этом сыграют средства массовой информации.

Не следует преуменьшать значение университетов и академий. Можно также ожидать того, что свой вклад в разработку решения внесут, в первую очередь, США и ЕС, являющиеся стороной во многих аспектах разрабатываемых концепций, а также другие международные силы, обладающие опытом в этой сфере и способные внести свой вклад в решение проблемы.

Эти рассуждения, касающиеся демократического прорыва Турции и модели решения курдской проблемы, должны быть восприняты как размышления и предложения на уровне проекта. Я предлагаю данный план с полным осознанием ответственности, выпавшей на мою долю в отношении развития мнений и предложений всех сторон. Возможно, мы сможем внести разнообразные предложения по мере развития дискуссий.

Существует потребность в практически реализуемой программе или плане действий, где будут отмечены пути дальнейшей деятельности. Такого рода свой план я изложу в следующем разделе своего труда.

Часть V.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

Любая модель решения, предлагаемая для социальных проблем, не имеющая практической ценности, остается только лишь гимнастикой ума. Несомненно, практические шаги тоже связаны с сознанием, они являются мышлением в движении. Ценность успешных решений может найти свое отражение только на практике.

Лично для меня гораздо важнее практические, пусть и непрофессиональные, действия на пути решения курдской проблемы, нежели односторонние акции. Я верю в необходимость преимущественной роли осмысленных диалогов. Но знаю и то, что самообман, порой скрывающийся под маской диалога, может привести к бедствиям. Ни в коем случае нельзя преуменьшать роль дискуссии в позициях сторон. Даже самые слабые дискуссии гораздо лучше самых развитых и успешных силовых акций.

В 70-е годы прошлого века, на момент рождения РПК, проводилась очень жесткая политика отрицания самого факта существования курдского народа. Даже словесное противостояние этой политике оборачивалось самыми тяжелыми наказаниями. Уже тогда нами уделялось преимущественное внимание к совместным демократическим решениям с левыми группами. Именно с этой целью я был избран в руководящий орган ДКСВА (Демократический кружок студентов вузов Анкары, 1975). Когда развитие в этом кружке затормозилось, неизбежным оказался прорыв в виде РПК. Акция 15 августа стала единственной альтернативой политике отрицания и истребления курдского народа. Пусть это происходило не совсем так, как хотелось бы, но я всеми силами включился в эту деятельность.

Если бы диалог, предложенный в начале 90-х уважаемым президентом Тургуттом Озалом, был продолжен, то, возможно, курдская проблема сегодня была бы в ином состоянии. Государство не дало возможности своему президенту развить сферу диалога и обсуждений. Традиционная политика отрицания и истребления курдского народа осуществлялась тогда всевозможными способами. Республика переживала наиболее темный период своей истории. Опыт диалога, начатый в 1997-1998 гг. с подачи политического и военной сфер, постигла такая же участь. Внутренние и внешние источники помех, в особенности, организация «Гладио», распространившая свое влияние на военно-политическую сферу, не давали возможности даже для самых простых диалогов и обсуждений. Несмотря на все мои усилия, направленные на использование судебного процесса, связанного с моим арестом и заключением в Имрали, кое-кто все испортил. Все мои предложения остались без ответа. Ясно, что планировалась полная ликвидация движения. Существовали структуры, которые видели в диалогах и обсуждениях конец собственной деятельности. Они были поразительным образом организованы, создавая свое государство в государстве, и относятся к наиболее опасным и жестоким социальным слоям, переживающим заразную болезнь власти. Несмотря на все мои предупреждения, опять были убиты тысячи людей и нанесен неисчислимый материальный ущерб. С 90-х годов я отдавал предпочтение ограничению военных действий. Но это не дало никаких результатов, поскольку власти не желали этого, и я был вынужден заявить о том, что начинается период, когда

неизбежным становится глобальное сопротивление в масштабе всего Курдистана и курдов во имя «защиты собственной жизни и свободы». Возможная обстановка диалога и обсуждений упоминалась в связи с допустимостью осуществления такого рода мероприятий.

Нельзя говорить о том, что нету планов между сторонами военного конфликта. План действий — это работа, о которой говорят больше всего и которую делают больше всего. Из собственного опыта я очень хорошо знаю о существовании этой деятельности. Односторонние планы действий реализуются с огромной готовностью. Тяжелее всего создать планы, способные привести к диалогу сторон. Без взаимного понимания такие планы реализовать невозможно. Вместе с кратким рассуждением о планах действий, которые развиваются и реализуются по настоящее время в одностороннем порядке, я постараюсь изложить свои взгляды на возможные планы, могущие способствовать соглашению обеих сторон. Изначально должен подчеркнуть, что не считаю себя стороной, ответственной за реализацию плана, потому что мой статус осужденного и условия, в которых я нахожусь, не могут позволить мне быть ответственной стороной. Изложенные мною взгляды преследуют цель обеспечить реальное признание сторонами друг друга и пролить свет на возможности создания плана совместных действий.

Именно поэтому:

1. Традиционный план отрицания и уничтожения. Речь идет о планах, которые, пусть не так активно, как прежде, но в настоящее время развиваются и применяются в направлении этой модели решения. Несмотря на то, что эти социальные слои, коими является буржуазия и бюрократия среднего класса, чья классовая основа сформировалась на базе интересов государства, разоблачены и изолированы как внутри страны, так и за ее пределами, они не прекращают своих усилий по применению планов истребления самыми коварными и жестокими методами. Все курды, не относящиеся к традиционным курдским соглашательским прослойкам, не согласно с применением этих планов, что доказывается самым упорным и длительным в истории сопротивлением. РПК, возглавляющая сопротивленческую деятельность, до тех пор, пока продолжается реализация этих планов, и отныне, обладает потенциалом и силой, необходимой для действенного воплощения в жизнь собственных программ. У нее есть сила, необходимая для перехода от планов пассивной защиты к планам активной защиты и всеобщему сопротивлению.

В предстоящем периоде можно ожидать перехода к планам всеобщего сопротивления против многочисленных барьеров, оказавшихся на пути демократического решения проблемы.

2. План федералистского, националистического решения. Данные планы тоже пытаются реализовать в различных аспектах и сферах. За этими планами, осуществляемыми Федеральной Администрацией Иракского Курдистана, стоят традиционные колониаторские национальные государства региона и всемирные гегемонистские силы. Несмотря на разные цели, речь идет о глобальном консенсусе. Стремясь исказить революционный демократический потенциал курдов, они поддерживают этот план. США является той самой гегемонистской силой, которая открыто оказывает помощь Федеральной Администрации Иракского Курдистана. В контроле ситуации в Ираке, Сирии, Иране и Турции, Федеральная Администрация играет стратегическую роль. Правительство Турции, Ирана и Сирии, имея в виду подавление сопротивления курдов на своей территории, ценой непризнания Курдистана, используя различные методы, поддерживают план «Малого Курдистана», втиснутый на территорию Северного Ирака еще со времен Второй мировой войны. Стоит только курдам выйти за пределы отведенной им роли, как все эти силы солидарно выступают против них.

Политика и планы «разделяй и властвуй» больше всего реализуются проектом «Малый Курдистан». В частности, именно таким путем власти пытаются нейтрализовать революционных, радикальных демократов и социалистов. Одной из фундаментальных целей данного плана является изоляция РПК. В рамках изоляции и ликвидации РПК в качестве платы за создание «Малого Курдистана» организация «Гладио» осуществляет очень серьезную деятельность. Более того, этот план получает широкую поддержку на международной дипломатической арене. Администрация, созданная усилиями США, Турции и Ирака и включающая в себя Федеральную Администрацию Иракского Курдистана, в рамках этого плана пытается навязать РПК отказ от вооруженной борьбы. Однако в силу различных интересов сторон этот проект недостаточно действенен, его применение остается ограниченным. Он не дает никаких надежд, поскольку широкие слои курдского общества не поддерживают его. Служа интересам узкой элитарной прослойки, он с каждым днем все больше и больше раскрывает свой истинный смысл и оказывается в кольце изоляции.

РПК ответила на этот план «отказом от капитуляции и продолжением сопротивления». Несмотря на то, что создатели этого плана, в котором нашли прибежище многие нерешительные, морально и идеологически слабые личности, хотели развить новое ренегатское движение, им не удалось избежать огласки. Курдские националисты в силу своей традиционной слабости не смогли добиться развития кардинального национально-государственного плана, в результате чего их участием стали деградация и полное исчезновение. Эти слои связывали все свои надежды с подавлением повстанческой деятельности РПК. Правительства Турции также на протяжении длительного периода надеялись на это. Они ожидали содействия курдского национализма, основного на идеологии «Малого Курдистана», и хотели на этой основе применить в отношении курдов план, схожий с тем, что некогда был реализован в отношении армян и греков. Но разница в условиях и позиция РПК привели к тому, что этот план сработал в обратном направлении, приведя к усилению РПК.

3. План демократического урегулирования. То, что планы, упомянутые в первых двух пунктах, не дали особых результатов, более того, обошлись властям достаточно дорого, вынудило Турецкую Республику обратить свои взоры к проектам демократизации. Развитие современных процессов именно в этом направлении, поощрение США и ЕС (в плане соответствия), повсеместная тенденция, продемонстрированная курдами в этом направлении, связанная с большим разногласиями в прессе, гражданском обществе и общественном мнении, впервые повысили шансы на реализацию планов демократического урегулирования проблемы.

Несмотря на сопротивление национально-националистического фашистского фронта, оказавшегося в значительном меньшинстве, фундаментальные институты государства не только не выступали против проекта, но даже, более того, сыграли весьма заметную роль в подготовке его каркаса, что повышает шансы реализации планов урегулирования. План действий, который может быть применен сторонами в этот новый исторический период, должен быть реализован в несколько этапов. При наличии между основными институтами государства и правительством единого мнения по наиболее общим чертам плана демократического урегулирования и вероятности получения курдской стороной поддержки демократических сил возможные практические этапы должны развиваться в этом направлении:

а) Первый этап. Объявление о мирных позициях РПК. На этом этапе стороны не должны поддаваться провокациям; следует усилить контроль над собственными силами и подготовить общественное мнение.

б) Второй этап. Создание Комитета по установлению истины и справедливости. Выработанные им предложения будут по инициативе правительства одобрены ВНСТ. Это поможет устранить все правовые препятствия. В процессе организации Комитета между всеми сторонами должно быть достигнуто максимальное согласие. В связи с признаниями и защитой, которые прозвучат в этой комиссии, будет учрежден институт амнистии и предложен на утверждение ВНСТ. В случае устранения всех законных преград в такой форме, под контролем структуры, в которую будут включены компетентные представители США, ЕС, ООН, Курдской Федерации Ирака и Турецкой Республики, деятельность РПК сможет быть выведена за пределы Турции. После этого она под контролем сможет базировать свои силы в различных сферах и странах. Критическая точка, очень важная на данном этапе, заключается в необходимости совместного планирования таких мероприятий, как освобождение политических заключенных и осужденных членов РПК и вывод вооруженных формирований РПК за пределы Турции. Очень важен принцип невозможности одного мероприятия без другого;

в) Третий этап. Когда будут сделаны конституционные и законные шаги, не останется причин для повторного применения оружия. Начнется последовательный процесс возвращения на родину всех, кто на протяжении длительного периода находится в ссылке, лишен гражданства и вынужден был покинуть Родину. В первую очередь возможность вернуться должна быть предоставлена членам РПК. По мере легализации деятельности АОК уже не останется необходимости в деятельности РПК в пределах территории Турции. Со всех точек зрения будет принята за основу легальная демократическая, политическая, социальная, экономическая и культурная деятельность.

Мое положение имеет стратегическое значение для реализации данного этапа плана. Возможности реализации плана без моего участия будут крайне ограничены. Следовательно, необходимо выработать разумные решения, касающиеся моей ситуации. Я могу выдвинуть следующие предложения:

1. Я должен быть освобожден на основании защиты, которую представлю в Комитет по установлению истины и справедливости — этого требует дело.

2. Должны быть обеспечены условия для моей деятельности на свободной основе в союзе с упомянутыми выше компетентными представителями США, ЕС, ООН, Курдской Федерацией Ирака и Турецкой Республики, а при необходимости — с представителями других стран и сил. Целью этой деятельности должна стать подготовка всех сфер, связанных с курдами, в первую очередь, РПК, к демократическому урегулированию проблемы.

3. Необходимо обеспечить меня всем необходимым, в первую очередь, жильем, и оказать всяческую поддержку.

Все мысли и предложения, касающиеся демократического урегулирования и планирования, которые активно обсуждаются общественным мнением Турции и подавляющим большинством курдов, я могу выдвинуть в виде плана, подготовку которого от меня ожидают. Ясно, что я буду рассматривать, менять и развивать свои идеи и предложения на основании тех идей и предложений, которые будут поступать от всех сторон.

После подготовки данного отчета — «дорожной карты» в виде плана — несомненно, самая тяжелая ответственность переходит, в первую очередь, к правительству ПСР, ВНСТ и компетентным лицам всех фундаментальных институтов государства. При достижении общего согласия необходимо будет сразу же перейти к реализации первого этапа плана. В противном случае

вынуждены перейти к этапу сопротивления, организованного под руководством РПК и АОК, после чего начнется процесс, называемый «Тотальным сопротивлением во имя защиты жизни и свободы курдского народа». Все это — отнюдь не угроза, а события, реализации которых я и сам не желаю. Любой ценой, дабы не допустить такого исхода, мы должны добиться демократического прорыва, применив модель и наш план урегулирования курдской проблемы. При этом мы вместе должны предотвратить любые сиюминутные политические расчеты и карьеристские устремления.

Часть VI.

ИТОГ

Если бы молодая Турецкая Республика подошла к курдской проблеме с позиций демократического урегулирования, несомненно, ход истории был бы совершенно иным. Ослепляющие проекты элементов современного капитализма были разработаны так, чтобы курдов постигла участь армян. Мировая конъюнктура, а также идеологическая и организационная слабость курдов придали смелость авторам этого проекта. Они были уверены в том, что им удастся повторить в отношении курдов то, что им успешно удалось сделать в отношении армян. Стерев из памяти всю историю дореспубликанского периода, подрастающая буржуазия и бюрократия среднего класса считала, что курды давно уже превращены в пепел истории, перестали существовать, не имея никакой ценности. Весь народ представлялся им в виде объекта, состоящего из нескольких испорченных элементов. В отношении курдов могли применять безграничную ассимиляционную политику. Физическое истребление, которому подвергли армян, можно было повторить в отношении курдов, но уже на культурном уровне. Речь идет о поколении, которое совершенно не было похоже на турецких вождей, развивавших стратегическое сотрудничество с курдскими вождями на всех поворотных этапах истории. Республика постоянно выпестовала это поколение. Отрицание курдов представляло собой карт-бланш, чтобы выбиться в люди и сделать карьеру. Отвергая курдов, можно было достичь любой ступени социальной лестницы. Только таким образом они могли найти свое место в всей структуре монополий современности.

Если до выхода РПК на политическую арену возражения против политики отрицания и культурного истребления курдов звучали как детский лепет, то позиция РПК была воспринята как шокирующая угроза. Этого не должно было быть, но так происходило. Последняя четверть века, которую можно охарактеризовать только такими терминами, как «чрезвычайная» и «устрашающая», достаточно убедительно доказала то, что путь, на который они вступили, обернулся не только преступлением против человечества, но и привел к материальным и моральным потерям и разложению. На этом пути победы не могло быть. Республика, в сущности создавалась на основе союза демократических элементов. Курды были созидательным фактором этого союза. Современный монополистический проект, продвигаемый руками государства, был решительно направлен на выдворение из системы также и других союзников, коими были социалисты и представители исламской общины. Поиск модели гомогенной нации осуществлялся с поразительным безумием.

Архитектором этого проекта был вовсе не Мустафа Кемаль, как это принято считать, а иттихадистские функционеры. Они стремились использовать Мустафу Кемаль так, как некогда использовали султана Абдул-Хамида II. С точки зрения утверждения истины очень важно искать планы культурного геноцида курдов в недрах организации иттихадистов. Союз «Красное яблоко», который и по сей день актуален для национально-националистического фронта, имея фашистский характер, был задуман в качестве антитезиса демократического союза на заре рождения республики. Экстремизм и склонность к переворотам были основными его методами деятельности в рамках государства. Они нашли хороших покровителей в лице США, а еще раньше – Британской

империи. На протяжении последних шестидесяти лет, основываясь на нативской организации «Гладио», они проливали кровь общества. Судебный процесс над «Эргенекон» — пусть и символически, серьезно ударил по их возможностям стать государством в государстве. Ситуация напоминала ликвидацию господства янычаров в период правления султана Махмуда II. Как известно, янычары, которые не занимались ничем, кроме низложения падишахов и казни великих визирей, в 1826 году были распущены и потоплены в крови. Только так была очищена дорога для танзимата и Конституции.

Современные иттихадистские янычары, действующие на политической арене, по меньшей мере, последние сто лет, не только ускорили распад Османской империи, но в краткие сроки превратили Турецкую Республику, имеющую демократическую легитимность, в деспотический режим. Националисты разных мастей, обладающие таким же мышлением, перешедшие из-под крыла германского империализма под покровительство империалистов Великобритании и США, на протяжении последних десяти лет под маской «Эргенекона» при помощи беспрецедентных заговоров и провокаций вели войну внутри государства, но в этот раз успеха не добились. Причины очевидны: их главный покровитель, США, на этот раз отказал им в поддержке. Попытки этой организации найти поддержку в Китае, России и Иране, а также их игры в евразийскую солидарность никого особо не заинтересовали. Их игры в кемализм тоже были на карикатурном уровне. Однако, несмотря на отсутствие серьезных возможностей для мятежа не стоит игнорировать роль их последователей и политических представителей в лице интеллигенции и бюрократического аппарата. Несмотря на то, что им не удалось вновь установить гегемонию внутри государства, они могут подвергнуть провокации любые демократические проявления в Турции, опустошить их, заблокировать решение проблемы. Их опыт и силы позволяют это сделать.

Процессы, происходящие на Ближнем и Среднем Востоке и в Турции, кризисы и проблемы, которым они способствовали, можно остановить и решить только путем демократических преобразований. Турция с ее мышлением и структурами имеет шансы на разработку модели для решения этой проблемы. Условия, аналогичные тем, что способствовали рождению республики, действительны и сегодня для ее демократического преобразования. История в очередной раз, но уже в обновленном виде, демонстрирует свой спиралеобразный характер. То же самое можно сказать и в отношении курдов. В очередной раз курдскому народу предстоит сыграть роль, которую он сыграл во всех анатолийско-месопотамских союзах. Курды уже не те, что были раньше. Это обновленный, организованный и дееспособный народ. Но в то же время реакционные, консервативные и заговорщические силы в обоих станах не преминут сыграть свою историческую роль.

США, как мировой гегемон, знает о том, что сотрудничество с нативской «Гладио» не принесет успеха. После распада советского блока деятельность «Гладио» утратила свой смысл. В результате серьезных усилий руководства Турецкой Республики «Гладио» просуществовал в Турции только до ноября 2007 года. В сущности последние четверть века деятельности РПК прошли под знаком борьбы с турецкой «Гладио», действующей под покровительством НАТО. Ужасающий аспект заключается в следующем: только недавно стало ясно, что курдский народ практически пережил трагедию, которую можно назвать повторением трагедии армянского народа. Интересы США, Израиля и ЕС на Ближнем и Среднем Востоке и Курдистане противоречили с интересами бывшей «Гладио». Новые договоренности, достигнутые с институтами и правительством Турецкой Республики, призваны, по меньшей мере, противостоять деятельности «Гладио» прежнего типа. Следовательно, наиболее очевидные внешние препятствия перед демократическим выходом Турции уже ослаблены. Теперь уже сторонники переворотов и заговоров лишены такой

поддержки, как прежде. Но не следует забывать, что при необходимости они могут всегда держать при себе в полной готовности останки организации. Препятствия, созданные с их помощью перед республикой, постоянно используемые уже после ее создания, сейчас идут в ход в отношении процесса демократизации. Если история является беспрецедентным, поучительным источником, являющимся поводом для сегодняшней, актуальной свободы, то ее можно использовать до конца.

Выступление обновленных, подготовившихся к демократическим преобразованиям курдов и РПК, в рамках АОК обеспечившей эти демократические преобразования, является самым удобным оружием достойного мира и демократической политики, а не войны. Это фундаментальное свойство также может считаться твердой гарантией демократической Турции. Исторический союз Анатолии и Месопотамии сегодня переживает новое рождение в виде союза демократической Турции и свободного Курдистана. Для того, чтобы не дать внутренним и внешним ренегатам никаких поводов, необходимо пристальнее прислушаться к истории. Прошлое всегда является компасом для тех, кто способен его слушать. Опора на общество и народ демократической и свободной страны — постоянный источник силы и вдохновения для тех, кто знает свою работу.

«Демократический фронт и модель решения курдской проблемы», способная стать ответом на исторические реалии и актуальные условия Турции, в случае применения не может ограничиться только тем, что соответствует более свободному течению истории. Для народов Ближнего и Среднего Востока тоже откроется дорога к развитию в условиях демократии, свободы и равноправия. Развитие элементов современной демократии в противовес захватнической и колонизаторской деятельности элементов современного капитализма в регионе обретет возможности и силы для превращения в систему, соответствующую ее историческим реалиям. Возможно, история впервые перестанет быть летописью агрессии, колонизации и всякого рода аннексионистской деятельности, став историей общества, основанного на принципах демократии, равноправного и свободного личности.

15 августа 2009 года

Абдулла Оджалан

Имрали.

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ТУРЦИИ.
МОДЕЛИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ В КУРДИСТАНЕ
«ДОРОЖНАЯ КАРТА»

Перевод, Я.С.Балаян, М.Н. Мустафаев.

Редакторы, И.Аристова, М.И.Мироев.

